

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ
„ИЗВѢСТІЯ
Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Сѣвера“.

1914 г.

№ 13-й.

1 Юля.

Сколько нужно земли крестьянамъ Архангельской губерніи?

Обыкновенно, Архангельскую губернію принято считать губерніей совершенно неосвоенной. Не только Архангельская, но вся сѣверная часть Европейской Россіи отъ 60 градуса, куда цѣликомъ вошли губерніи Вологодская и Олонецкая, на „Схематической картѣ областей Европейской Россіи“ 1907 г. С.П.Б. лит. С. М. Муллеръ. В. О. 9 лст. д. 18) названа „Сѣверной неосвоенной областью“. Про Архангельскую губ. вездѣ говорится, что земледѣліе въ ней невозможно изъ-за суровости климата. Вездѣ выставляется эта единственная причина, и объ этомъ говорить все учебники географіи. По въ дѣйствительности населеніе уѣздовъ: Шенкурскаго, Холмогорскаго, Онежскаго и Пинежскаго (за исключеніемъ приморской полосы въ Онежскомъ уѣздѣ) занимается земледѣліемъ, а также отчасти и въ другихъ уѣздахъ, и если хлѣба не хватаетъ на годъ, то это происходитъ вовсе не отъ суровости климата, а отъ другой и главной причины—малоземелья.

Здѣсь я расскажу про одну часть Онежскаго уѣзда, про Мардинскую волость, которая лежитъ подъ 63° 30' с. ш. *) и, слѣдовательно, въ вѣдѣ предѣлахъ „неосвоенной полосы“. По населенію въ ней занимается земледѣліемъ, и у тѣхъ хозяйствъ, у которыхъ порядочно земли, своего хлѣба хватаетъ не только на круглый годъ, но еще остается, и урожай почти всегда бываетъ хорошимъ; полный неурожай по бывалъ никогда, за исключеніемъ 1867 года, когда былъ необыкновенно большой разливъ р. Онеги, „временная вода“, и сѣять нельзя было до середины юня.

За послѣднія десятилѣтія недородовъ было три—въ 1891—92 г.г. и за минувшій 1913 г. и это произошло вовсе не отъ суровости климата, т. е. не отъ холодовъ, а, наоборотъ, отъ страшной жары и засухи. Если же брать средніе годы и средний урожай, отбрасывая крайности съ той и другой стороны, то получится такая картина: въ предѣлахъ Мардинской волости бываютъ урожаи: ржи самъ—14, ячма самъ—9, овса

*) Центръ волости.

самъ—12; пшеницы сѣютъ немного, но тоже урожай бываетъ самъ—Урожай картофеля колеблется всего спяльнѣе—въ самые засушливые годы въ нѣкоторыхъ деревняхъ бывалъ самъ—другъ, т. е. поротились только сѣмена, а въ благоприятные годы родится и самъ—12. Посѣвъ гороха имѣеть немного значенія.

Теперь посмотримъ, сколько крестьяне Мардинской волости имѣютъ земли и сколько разсѣиваютъ сѣмянъ. Опежане считаютъ, что въ годъ на „ѣдока“ нужно 5 мѣшковъ хлѣба, т. е. 20 четвериковъ и почти столько же пудовъ. Возьмемъ среднюю семью въ 5 человѣкъ; для такой семьи нужно на ѣду хлѣба 25 мѣшковъ (около 100 пудовъ) въ годъ, да мѣшка три на сѣмена, иногда на сѣмена и больше, т. к. всхожесть сѣмянъ бываетъ неодинаковою, и не лишне имѣть запасныя сѣмена. Кроме того, на пшеницъ, большою частью прехожихъ странниковъ, въ годъ откладывается мѣшокъ, да на выпойку телятъ полагается не менѣе мѣшка, и на кормъ лошади мѣшка два. Затѣмъ на сборщицъ-монахинь тоже надо отложить четверика два,—всего на семью въ 5 человѣкъ для того, чтобы не покупать привознаго хлѣва,—своего нужно имѣть по менѣе 32 мѣшковъ,—около 128 пудовъ.

Разсѣивать же принято на 120 квадратныхъ сажень 1 четверикъ жита; ржи требуется менѣе вполонину—на 120 кв. сажень нужно лишь полчетверика. Для того, чтобы разсѣять мѣшокъ жита, земли нужно $4 \times 120 = 480$ кв. саж.; для трехъ мѣшковъ, сколько обыкновенно сѣютъ въ среднихъ семьяхъ, земли подъ жито нужно $3 \times 480 = 1440$ кв. сажень, т. е. болѣе полудесятины. Если ржи разсѣять одинъ мѣшокъ, то земли нужно вдвое болѣе, чѣмъ для посѣва ячменя—960 кв. сажень; всего подъ рожь и жито надо занять 2400 кв. саж., т. е. ровно десятину. Но такъ какъ система сѣвоборота у опежанъ трехпольная, то еще треть, 1200 кв. саж., нужно оставить подъ паръ. Затѣмъ подъ картофель нужно имѣть поле не менѣе 200 кв. саж., подъ ленъ и коноплю столько же, подъ рѣпу около 100 кв. сажень, посѣвъ же овса и пшеницы можно исключить,—всего крестьянской семьѣ въ 5 человѣкъ для того, чтобы пропитаться своимъ хлѣбомъ, пахотной земли нужно имѣть не менѣе $2400 + 1200 + 200 + 200 + 100 = 4100$ квадрат. сажень. Семья въ 5 человѣкъ имѣеть 2½ души, какъ принято ширѣ дѣлить землю по ѣдокамъ, считая на каждого человека по ½ душевой доли; прежде же дѣлили только на мужскія „души“.

Сколько же имѣютъ крестьяне Опежскаго уѣзда надѣльной земли на 1 душу? Вотъ самый главный вопросъ, при вычисленіи котораго будетъ видна вся „суровость климата“ Архангельской губерніи. Въ деревняхъ Мардинской волости въ настоящее время количество надѣльной земли на 1 душу колеблется отъ 600 до 1000 кв. сажень; если взять изъ этихъ среднюю цифру—800 кв. сажень, то семья въ 5 человѣкъ, пользуясь надѣломъ въ 2½ души, будетъ имѣть $800 \times 2\frac{1}{2} = 2000$ кв. сажень пахотной земли, а для того, чтобы круглый годъ кормиться своимъ хлѣбомъ, земли нужно имѣть 4100 кв. сажень, имѣется же только 2000 кв. сажень,—менѣе половины,—вотъ въ чемъ и скрывается вся суровость климата!

Если бы крестьяне Опежскаго уѣзда имѣли необходимое количество земли, то своего хлѣба вполнѣ хватало бы на годъ, и не пришлось бы покупать привознаго, какъ это и было въ старину, когда надѣлы были въ два раза болѣе. Но и теперь тѣ крестьяне, которые имѣютъ поляны и новокоски, билетныя расчиски, ваяты изъ—подъ лѣса, въ

достаточномъ количествѣ—такіе хозяева не только не покупаютъ хлѣба, но даже продаютъ его сосѣдямъ. Такимъ образомъ получается такое явленіе: въ одной деревнѣ въ одинъ годъ и при одинаковомъ урожаѣ одни крестьяне полгода живутъ покушнымъ хлѣбомъ, другіе же его продаютъ. Это встрѣчается во всѣхъ деревняхъ и служитъ показателемъ того, что при достаточномъ количествѣ земли въ Олонецкомъ уѣздѣ, недостатка въ хлѣбѣ не было бы.

Повторяя тоже, что въ среднемъ у крестьянъ Марджинской волости пахотной земли приходится по 800 кв. сажень на душу или по 400 кв. саж. на человека, тогда какъ для того, чтобы своего хлѣба хватало на круглый годъ, земли нужно имѣть 4100:5—820 кв. сажень на человека, или 1640 кв. сажень на душу,—т. е. вдвое болѣе, чѣмъ есть въ настоящее время,—становится ясно, что у крестьянъ, не имѣющихъ болѣе старыхъ полей, земля есть наполовину меньше, чѣмъ слѣдуетъ для безбѣднаго существованія, и потому у такихъ крестьянъ своего хлѣба хватаетъ лишь на полгода,—слѣдовательно, все причина, заставляющая покупать привозный хлѣбъ, заключается въ малоземелья, а отсюда не въ суровости климата Арханг. губерніи.

Какъ же устранить эту причину и увеличить крестьянское землевладѣніе? На этотъ вопросъ отвѣтъ даетъ каждый крестьянинъ, занимающійся сельскимъ хозяйствомъ. *Нужно увеличить площадь пахотной земли до соответствующаго количества расчисткой новыхъ полей изъ-подъ лѣса.* И не только крестьяне даютъ такой отвѣтъ, но многие изъ нихъ, кто имѣетъ къ тому возможность, такъ и поступаютъ. Выбираютъ удобное мѣсто въ лѣсу, дѣлаютъ зачѣпленіе, получаютъ билетъ и затѣмъ приступаютъ къ расчисткѣ лѣса подъ нашію. Одни это дѣлаютъ своимъ трудомъ, другіе нанимаютъ „суземляковъ“,—крестьянъ Олонецкой губерніи, которые только этимъ и занимаются, приходи изъ-за Кожеозера на Онегу цѣлыми сотнями. Суземляки—специалисты этого дѣла, расчистку водятъ отлично, и берутъ за работу, смотря по породѣ лѣса и качеству почвы, отъ 2 до 6 коп. за 1 кв. сажень.

Такимъ образомъ, тоже беря среднюю цифру 4 коп. за кв. саж., расчистка полей въ 1000 кв. сажень обойдется въ 40 рублей, сумму не очень большую въ крестьянскомъ быту. Но тутъ-то и встрѣчается препятствіе. Почвы полей нужны для тѣхъ крестьянъ, которые сильно нуждаются въ землѣ и принуждены покупать много хлѣба. У такихъ хозяевъ всѣ деньги и уходятъ на покупку хлѣба, такъ что на расчистку полей ничего не остается. Малоземельные крестьяне хлѣба покупаютъ въ годъ руб. на 50—80,—сумма вполне достаточная для того, чтобы удвоить количество пахотной земли расчисткою новыхъ полей, но эти деньги всѣ ежегодно уходятъ на привозный хлѣбъ, и крестьяне не могутъ выйти изъ заколдованнаго круга.

Тѣ же крестьяне, которые такъ или иначе могли наконать новыхъ полей, живутъ маленькими помещиками, вполне безбѣдно, не покупая ни хлѣба, ни сѣна, но даже продавая ихъ. Большинство же изъ года въ годъ безплодно бросаетъ свои деньги на покупку хлѣба и завидуетъ счастливицамъ, имѣющимъ билетныя поляны и чинцешныя.

Вотъ здѣсь и нужна помощь государства выдѣленіемъ ссудъ крестьянамъ на разработку земли изъ-подъ лѣса *), это было бы самое важное мѣропріятіе по улучшенію быта крестьянъ, но объ этомъ, къ сожалѣнію,

*) Такъ назыв. меліоративный кредитъ.

никогда ничего не слышно. Ни деньги, ни труды въ этомъ дѣлѣ не пропали бы даромъ, а съ лихвою возвратились бы въ первые же годы.

Противники этой мѣры скажутъ, что болѣе уже нѣтъ земель, пригодныхъ для расчистокъ, такъ какъ всѣ ближайшіе къ деревнямъ участки уже превращены въ культурное состояніе. Это совсѣмъ не правда. Невоздѣланныхъ земель, годныхъ подъ паши, еще очень много, особенно по маленькимъ рѣчкамъ. И не только боры и возвышенныя мѣста, но даже болота годны для этой цѣли, чему есть примѣры. Такъ, въ дер. Огруппинской, Мардинской волости, богатыми крестьянами бр. Иконниковыми гнблое, непроходимое болото превращено въ плодородныя поля, для чего были выкопаны каналы двухаршинной глубины, которыми вся вода ушла, и болото стало сухимъ торфяникомъ, а затѣмъ унавоженное сдѣлалось отличнымъ полемъ. Такихъ примѣровъ есть нѣсколько.

Съ увеличеніемъ земледѣлства нужно держать болѣе скота, что снова требуетъ увеличенія луговъ; и сдѣлать чипцовку легче, чѣмъ выкопать поляну, почему, вообще, у онежскихъ крестьянъ билетныхъ чипцовникъ есть болѣе, чѣмъ такихъ же полей. Но все-таки ихъ еще требуется очень много, и на расчистку опять нужны средства, которыми имѣются далеко не у всѣхъ крестьянъ. Снова нужна ссуда, какое-либо пособіе со стороны, но гдѣ взять его въ этомъ весь вопросъ.

Теперь видно, что недостатокъ хлѣба у крестьянъ Арханг. губ. происходитъ не отъ „суровости климата“, а отъ малоземелья. Суровость же климата—одно недоразумѣніе и клевета на Архангельскую губернію. Въ этой „холодной“ губерніи ростъ злаковъ происходитъ даже быстрее, чѣмъ въ средней и южной Россіи, такъ какъ съ половины мая до начала іюня здѣсь почти нѣтъ ночей, и ростъ всѣхъ растений происходитъ сутки кругомъ. Обыкновенно, ровные хлѣба, посеянные въ 20 числахъ мая, собираютъ въ 20 числахъ іюля; такимъ образомъ отъ посева до жатвы проходитъ 60—70 дней и рѣдко растягивается до 80. Въ это время даже всѣ ровные хлѣба успеваютъ взойти, вырасти, налиться и созрѣть.

„Пшъ горети въ горети посеяно въ десять педѣлъ“, говорятъ по этому поводу наши крестьяне. Изъ горети бросаютъ зерно, когда сѣютъ, и въ горети собираютъ, когда жнутъ. Старики вспоминаютъ даже, что бывали годы, когда отъ „горети до горети“ проходило лишь 8 педѣлъ.

Все здѣсь описанное можно отнести не къ одному Онежскому, но и къ другимъ, выше упомянутымъ уѣздамъ. Условія почти одинаковыя, и причина недостатка хлѣба та же, и стоитъ лишь устранить ее, какъ для земледѣльческихъ уѣздовъ Арханг. губ. не нужно будетъ привознаго хлѣба.

В. Глад.

О старинномъ устройствѣ деревянныхъ церквей на Сѣверѣ въ идейномъ и эстетическомъ отношеніяхъ

Въ наше время хотя еще немало можно встрѣтить людей, безъ вниманія или даже пренебрежительно относящихся къ памятникамъ старины и фактамъ прошлой народной жизни, тѣмъ не менѣе постепен-

но пробуждается общественное самосознаніе, и замѣтно желаніе изучать и понять прошлое. Старые храмы, древнія иконы, рукописныя книги, старинныя вещи домашнего обихода, произведенія древнерусскаго искусства перестаютъ быть предметами заброшенными, ненужными, достойными лишь уничтоженія, но привлекаютъ къ себѣ вниманіе наиболѣе чуткихъ людей, становятся предметами тщательнаго изученія. И предъ изумленными глазами исследователей открывается, что тамъ, въ глубинѣ вѣковъ, жили люди, которые не только такъ же, какъ и мы, имѣли умъ и сердце, мыслили, искали новыхъ познаній, чувствовали, страдали, любили,—но и гораздо больше насъ стремились къ разрѣшенію вѣчныхъ вопросовъ истины, добра и красоты.

То обстоятельство, что народъ русскій принялъ съ вѣру православную на зарѣ своей исторической жизни, имѣетъ глубокое, провиденціальное значеніе въ исторіи какъ духовной, такъ и государственной жизни его. Православіе легло въ основаніе національнаго самосознанія нашего народа, стало его историческимъ знаменемъ и предопредѣлило дальнѣйшій путь его развитія. Подъ вліяніемъ православія сложилось міровоззрѣніе русскаго народа, установился строй его общественной и семейной жизни, и направилась уметвенная и творческая его дѣятельность. Церковь православная, будучи почти единственной воспитательницей русскаго народа въ теченіе минувшихъ вѣковъ его исторической жизни, явила предъ духовнымъ взоромъ его высочайшій идеалъ нравственнаго совершенства, показала величіе христіанской добродѣтели, раскрыла предъ нимъ міръ идеальной духовной красоты*). Освѣтивъ путь жизни его свѣтомъ Христовымъ, она въ своихъ таинственныхъ и обрядахъ, во всемъ бытѣ своемъ открыла ему святую прелесть обращенія къ Отцу Небесному, красоту нравственнаго подвига, глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, нравственнаго возрожденія, красоту Неба и красоту духа и привлекла къ себѣ все силы его религиозно-художественнаго творчества. При такомъ глубокомъ вліяніи православной вѣры на жизнь и дѣятельность русскаго народа, не изучать и не хранить памятниковъ русской церковной старины, значитъ лишать его исторію всего идейнаго содержания ея и представлять, вмѣсто живыхъ образовъ, мертвые скелеты фактовъ, ничего не говорящихъ ни сердцу, ни уму. Разсматриваемые же съ точки зрѣнія своей идеи памятники нашей старины являются произведеніями высокаго религиознаго вдохновенія, изліяніемъ глубоководяющаго сердца и, непосредственно проникая въ нашу душу, затронувъ въ глубинѣ ея такія живыя струны, какихъ не достигаетъ и самый глубокій психологическій анализъ. Языкомъ формъ и красокъ они будятъ въ насъ тѣ же возвышенныя чувства, ту же благочестивую настроенность, какія были въ душѣ ихъ творцовъ, и, отражая самобытный духъ народа, родитъ насъ съ нашимъ прошлымъ и оживляютъ наше національное самосознаніе.

Изъ всей необъятной по величію и неизмѣримой по своеобразной красотѣ области русскаго искусства мы желали бы предложить нѣсколько словъ о старинномъ устройствѣ деревянныхъ церковныхъ храмовъ на нашемъ Сѣверѣ. Вообще, и въ предѣлахъ Архангельской губерніи—въ частности. Архитектурныя произведенія не только несеть на себѣ неизгладимые слѣды того народа, которому они принадлежатъ, но и съ особенною силою отражаютъ въ себѣ духъ времени, т. е. ту сум-

*) „О значеніи изученія памятниковъ церковной старины“ „Курскія Ел. Вѣд.“ 1912 г. № 8, стр. 188—189, 191.

му руководящихъ идей и принциповъ, которыми живетъ въ извѣстную эпоху данный народъ. Христіанская доктрина, тождественная и неизмѣнная въ своемъ содержаніи, получаетъ разнообразныя отбѣнки отъ національныхъ особенностей исповѣдующаго ее народа, преломляется въ національномъ сознаніи и получаетъ колоритъ господствующихъ воззрѣній, характеръ которыхъ рельефно опредѣляется церковно-архитектурными памятниками. А устойчивость русскихъ художественныхъ вкусовъ и зрѣлое пониманіе основъ декоративнаго искусства благоприятствовали самобытному процвѣтанію русскаго художественнаго творчества вообще и церковнаго зодчества въ частности, расцвѣтъ котораго былъ пережить нашу родinou въ XVII в. Къ сожалѣнію, остатки древнихъ церковныхъ зданій весьма малочисленны въ нашемъ краѣ, почти не сохранились въ своемъ цѣломъ и неповрежденномъ видѣ и не даютъ яснаго представленія объ идейно-эстетическомъ ихъ значеніи; впрочемъ, нѣкоторыя срубленныя въ началѣ и въ концѣ XVIII вѣка церкви сохраняютъ отчасти традицію древнихъ формъ, а съ этого времени народный зодчій уступаетъ мѣсто предписаніямъ новой архитектуры.

Начальной формой древне-русскаго строительнаго искусства, по изслѣдованіямъ знаменитаго археолога П. Е. Забѣлина *), была клѣть, т. е. извѣстной ширины четырехугольный срубъ изъ бревень, положенныхъ одно на другое въ нѣсколько вѣнцовъ и связанныхъ по угламъ врубками „въ лапу“, „въ чашку“, „въ крюкъ“, „въ усть“ или „въ обѣло“. Изъ этой клѣтки, съ развитіемъ потребности въ широтѣ и красотѣ жизни, и разрослось впоследствии то цѣлое, которое стало именоваться хоромами. Обычная длина стѣны жилой клѣтки простиралась въ 3—4 сажени; болѣе достаточное хозяйство увеличивало свой просторъ въ ширину и въ вышину прирубками, стѣнами, придѣлами и т. п. Каждая клѣтка ставилась въ томъ размѣрѣ, какой требовался для той или другой статьи обихода, поэтому къ высокой клѣткѣ могла приставляться низкая, къ меньшей—большая или наоборотъ и т. д. По свойствамъ суроваго и сырого климата и—особенно—сырой почвы являлась потребность ставить жилье выше, поднимать его на „подкабтые“, служившее основаніемъ для главныхъ клѣтей, называвшихся „верхомъ“; къ клѣткамъ пристраивались „сѣни“—крытый свѣтлый дворъ, служившій для пріема гостей и для прогулокъ. Въ покоевыхъ горницахъ не требовалось такого количества оконъ, какое было необходимо въ сѣняхъ для ихъ свѣтлости, поэтому и самый размѣръ оконъ въ покоевыхъ горницахъ дѣлался меньше, чѣмъ въ пріемныхъ. Такимъ образомъ, и по горизонтальной и по вертикальной линіямъ древнерусское хоромное строеніе распадалось на своеобразныя и самостоятельныя части, увеличивалась еще крыльцомъ, значеніе котораго не ограничивалось только тѣмъ, что это былъ входъ въ жилище. Крыльцо было вѣсть съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ пренеслись ветрѣчи и проводы гостей, совершавшіеся по особому порядку или чину бытовыхъ отношеній; поэтому устройство крыльца выработалось также въ особый строительный типъ. Оно состояло изъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе широкихъ лѣстницъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга рундуками или площадками, и такъ какъ дорогому гостю полагалось обычно три ветрѣчи, то и лѣстница раздѣлялась на 3 излома. Сначала 3 ступени вели на нижнюю площадку, далѣе ступени шли на среднюю, откуда лѣстница поворачивала подлѣ стѣны зданія и приводила на верхнюю площадку—предѣ сѣнями

*) „Русское искусство“. Москва, 1900 г., стр. 36 и слѣд.

дверями. Совокупность площадокъ и двѣтвиръ и составляла крыльцо, которое всегда пристраивалось особо—„крыломъ“ и не только не входило подъ общую кровлю, но каждая доля крыльца покрывалась особо. Выстраивая такимъ образомъ свое жилище, предки наши старались украшать его, при чемъ наибольшую красоту зданій полагали въ его покрытiи, въ его кровлѣ, которая получала значенiе головнаго убора. Обычно устраивались двускатныя крыши, при чемъ, чтобы способствовать быстрому стеканiю влаги и тѣмъ предохранить крышу отъ гниенiя, въ наибольшемъ употребленiи были крутыя покрытiя, а высокiя квадратныя по окладу постройки покрывались перѣдко довольно крутыми кровлями на четыре ската, которые давали кровлѣ видъ пирамиды или шатра. Другимъ фигурнымъ красивымъ покрытiемъ, употребившимся чаще для продолговатыхъ зданiй, было покрытiе т. п. „бочкою“, нижняя треть которой отѣкалась, средняя треть доподилась выпуклостью—„пучиной“, а верхняя сводилась острымъ ребромъ. Иногда продолжная бочкообразная крыша пересѣкалась поперечною; иногда надъ квадратнымъ пространствомъ четыре обрѣза такой бочкообразной крыши непосредственно соединились между собою, ошибаясь по линiямъ обрѣза, и принимали форму такъ называемаго „куба“, при чемъ крыша прiобрѣтала большое сходство съ луковницей, особенно—когда она сводилась не надъ квадратомъ, а надъ многоугольникомъ. Такъ выработались основныя элементы русскаго самобытнаго архитектурнаго стиля, характерная особенность котораго состояла въ пропорцiяхъ, въ извѣстномъ соотноствiи между собою общихъ и частныхъ размѣровъ, какими руководился древнiй строитель. Двускатный, шатровый или на подобiе бочки верхъ постройки не превзыная высоту 2-хъ мѣръ основанiя, а обыкновенно устраивался въ 1½ мѣры: эти формы не превращались въ нечто готическое, бывшее больше на высоту и остроту, чѣмъ на широту и мягкую округлость, какою пропорцiю отличались древнерусскiя формы деревяннаго зодчества. „Россия, говоритъ извѣстный художникъ П. Э. Грабарь*),—по преимуществу страна зодчихъ: чуть пропорцiй, пониманiе силуэта, декоративный инстинктъ, изобрѣтательность формъ гонорать о совершенно исключительной архитектурной одаренности русскаго народа“ и, прибавивъ отъ себя, эту одаренность онъ особенно выразилъ въ устройствѣ Божiихъ храмовъ, въ архитектурныя формы которыхъ онъ вложилъ проникновенную идейность и особую красоту.

Храмъ Божiй—то святое мѣсто, гдѣ открывается людямъ надежда на спасенiе, доступная всѣмъ, кто приходитъ сюда съ умиленною, чистою душою; храмъ—жилище Божiе и долженъ рѣзко отличаться отъ людскаго жилища, но не внести диссонанса въ общую гармонию окружающаго **). Поразительно, прежде всего, умѣнье, съ которымъ наши прежнiе строители выбирали мѣсто для храма Божiя: нельзя придумать композицiи лучше той, при помощи которой они связывали архитектурныя формы храмовъ съ окружающимъ пейзажемъ, съ изгибомъ рѣки, съ изломомъ горъ, съ гладью луговъ, съ острой четкостью лѣсовъ. Со всей окружающей картиной древнерусскiй храмъ производитъ непосредственное впечатлѣнiе нераздѣльности, органической слитности, и кажется, что природа и искусство подали другъ другу руки, дружно работали надъ сооруженiемъ прекраснаго зданiя. Много такихъ храмовъ ра-

*) „Исторiя русскаго искусства“, т. 1, стр. 134—135.

**) „Культурныя сокровища Россiи“, изд. 1, 1912 г., стр. 19.

зобрано и уничтожено, много сгорѣло, остальные болѣе или менѣе искажены ремонтами, перестройками, и „красота прошлого постепенно по идетъ на убыль и замѣтно угасаетъ“.

Но чтобы понять эту красоту, нужно перенестись въ глубь вѣковъ и представить себѣ, какъ среди четкой рѣзвы темнаго хвойнаго лѣса, среди сумрачнаго ландшафта и пустынныхъ береговъ нашихъ сѣверныхъ рѣкъ внезапно, словно сказочный „градъ Китежъ“*, появлялись стройныя силуэты церквей, уходящія въ высь сполни величавыми шатрами, изящными главками и крестами на нихъ. Старинныя наши церковныя мастера обладали громадными эстетическими вкусами; имъ было присуще пониманіе религіозной идеи, выдающійся конструктивный смыслъ, благородная простота формъ, сдержанность въ орнаментѣ, изысканныя пропорціи и чистыя линіи архитектурныхъ частей. Эстетика древней Руси, философія ея культуры, психологія ея почитателей остается неизученной и кажется мало интересной, но среди внимательными исследователями предстаетъ прекрасный міръ древняго зодчества нашего Сѣвера.

Не представляется возможнымъ изобразить все тѣ комбинаціи изъ основныхъ формъ древнерусскаго зодчества, которыя употреблялись при устройствѣ церквей; каждая изъ нихъ строилась „по угождению“, была плодомъ особаго замысленія и природнаго тонкаго вкуса, и кажется, что архитектурный замыселъ древнерусскаго мастера складывался въ самомъ процессѣ творчества. Въ дальѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду лучшія формы устройства старинныхъ храмовъ въ нашемъ краѣ.

Древнія церковныя описи XVI и XVII в. в. различаютъ главнымъ образомъ только два вида постройки церквей—постройку „кѣтскію“ и постройку „вверхъ“. Первымъ терминомъ обозначалась постройка храма въ видѣ „кѣтки, т. е. прямоугольнаго зданія съ двускатною высокою крышею, съ прирубнымъ къ нему алтаремъ и прирубной же—съ западной стороны—болѣе обширной трапезой, къ которой или вокругъ которой прирубалась еще наперть съ довольно сложными крыльцами; все прирубныя части храма имѣли особия покрытія; высокая крыша надъ самымъ храмомъ увѣнчивалась маковницею—главою съ крестомъ. При всей кажущейся архитектурной простотѣ такого зданія, древній русскій зодчій умѣло выражалъ въ немъ идею священнаго жилища Божія и старался возможно украсить его соответственно столь высокому его значенію. Широкой, съ постепенно понижавшимися крышами прирубныхъ частей, какъ бы стелющійся по землѣ, тѣсно окруженный могильными холмиками почившихъ, такой храмъ являлъ образъ, которому благоволилъ Себя уподобить Самъ Основатель и Глава церкви Христовъ.—образъ какъ бы птицы наѣдки, бережно и любовно покрывающей крыльями своихъ птенцовъ, и создавалъ впечатлительную картину мира и покоя, напоминая божественныя слова: „приидите ко Мнѣ все труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою васъ“.

Идентичная и украшая храмъ, какъ вещественный символъ высшихъ христіанскихъ идей и созерцаній, древній русскій зодчій имѣлъ въ виду, что по церковнымъ правиламъ „вверхъ церковный есть глава Господня, главу бо церковную держитъ Христосъ“ (Кормчая), и потому съ мыслью о красотѣ останавливался прежде всего на видѣлкѣ верха церковнаго, какъ самой видной наружной его части. Вместо ле-

*) Ibid. стр. 26.

Большой главкѣ—маковицы, помѣщавшейся на верху церковной крыши. Онъ иногда старался выработать такую главку, которая бы покрывала весь верхъ церковный. Съ этою цѣлью на основномъ квадратѣ или прямоугольникѣ храма срубалось особой формы кубастое покрытие: нѣсколько еуженное въ своемъ основаніи, оно затѣмъ въ среднѣмъ расширилось въ объемѣ—какъ бы вынучивалось, а къверху стѣнки его сводились вмѣстѣ въ остріе, на которомъ утверждался крестъ: такой верхъ назывался „клинчатимъ“. Для большаго уподобленія такого верха главкѣ, покрываемую имъ часть храма старались выводить, возможно выше, съ удивительнымъ искусствомъ и сообразительностію скрѣпляя между собою верхніе вѣнцы зданія; иногда на такомъ покрытіи, вмѣсто одной—поставляли пять главъ—въ ознаменованіе Главы церкви Христа и 4-хъ евангелистовъ. Если же дѣлали на храмѣ простую четырехскатную крышу, то на ней поставляли или три главы въ ознаменованіе высочайшаго христіанскаго догмата о Св. Троицѣ, или 5 главъ, какъ и на клинчатыхъ покрытіяхъ, или 9 главъ—по краямъ крыши—въ ознаменованіе 9-ти чинбовъ ангельскихъ, славящихъ Господа. При украшеніи главками различныхъ выступовъ и бочкообразныхъ покрытій храма, число главокъ доходило до 13, 19—какъ это было въ Кольскомъ соборѣ, даже—до 25, что извѣстно о Преображенской церкви въ с. Кижяхъ, Петрозаводскаго у., Олонецкой губ. Самыя главы покрывались т. наз. лемехомъ или „скалами“—небольшими съ одного конца округло обрѣзанными дощечками, соединяя и скрѣпляя ихъ между собою „въ зубецъ“; такое покрытие называлось „чешуею“: оно требовало большаго искусства и было очень красиво, придавая главкамъ изысканный узорный видъ. Спускавшіеся края крыши, обрабатывались въ видѣ разнообразныхъ зубцовъ*), остряхъ полукружній, украшались различными „подзорами“, „закомарами“, „теремками“, которые ставились также у основаній главъ. Крыши на алтарѣ, на южномъ и сѣверномъ выступѣхъ, на придѣлахъ, на крыльцахъ устроились также разнообразно—двускатныя, трехгранныя, кубастыя, бочечныя, луковичныя и т. п. увѣличивались главками и различно украшались рѣзбою. Такимъ образомъ, церкви, построенныя „кѣтски“, были очень сложныя и затѣливыя постройки, поражающія оригинальностію замысла безвѣстнаго зодчаго, для котораго дерево, повидному, было привѣчнымъ и послужившимъ матеріаломъ, покорно исполнявшимъ причудливые порывы его творчества**).

Но едва ли не большую самобытность, свѣжость, идейность и художественность своего замысла древнерусское зодчество выразило въ томъ видѣ церковной архитектуры, который обозначается въ описаніи терминомъ „дверхъ“, и отличительную черту котораго составляло устройство покрытия „шатромъ“. „Воздѣлка шатровой формы храма, говоритъ археологъ Н. Е. Забѣлинъ, составила то поприще для русскаго зодчества, гдѣ оно, дѣйствуя самостоятельно, вполне обнаружило свою оригинальность и свое русское замышленіе о красотѣ Божьяго храма“***).

Шатровая форма церковнаго верха исключительно принадлежала

*) Шуворская церковь—Кемскаго у.—постр. въ 1619 г., Шитвинская—Холм. у.—1649 г., Варягская—Александровск. у.—1674 г., Ижемская—Арханг. у.—1679 г., Чухломская Ильинская ц.—Арханг. у.—1657 г. и др.

**) Церковный приходъ на Русск. Сѣверѣ въ XVII вѣ. М. Богословскаго; Богосл. Вѣстн., май 1910 г., стр. 161.

***) „Русское искусство“ стр. 94.

такимъ храмамъ, въ которыхъ, при прямоугольномъ видѣ прирубныхъ частей, главная часть устроилась—иногда отъ самаго оспованія, чаще,—на меньшемъ или большемъ разстояніи отъ него—„округло“, т. е. многоугольникомъ—въ 6, 8 и болѣе угловъ, вслѣдствіе чего и самый шатеръ, покрывавшій эту часть, былъ шестигугольнымъ, восьмиугольнымъ или прямо круглымъ. Соблюдая точныя размѣры въ пропорціяхъ, такой многоугольникъ и покрывавшій его шатеръ паша предки выводили какъ можно выше, такъ какъ вообще любили высокіе храмы и не жалѣли своихъ достатковъ и средствъ на ихъ сооруженіе. До настоящаго времени сохранилось нѣсколько шатровыхъ храмовъ, построенныхъ во второй половинѣ XVII вѣка, которые достигаютъ 19, 20 и даже 22 саж. высоты; но въ болѣе раннее время—въ первой половинѣ XVII вѣка и особенно въ XVI вѣкѣ—выстраивались храмы гораздо большихъ размѣровъ и высоты. Соборный Успенскій трехпрестольный храмъ въ г. Онегѣ, построенный въ концѣ XVI в., имѣлъ 12 главъ, 30 угловъ, 11½ саж. длины, 10½ саж. ширины и 30 саж. высоты*). По свидѣтельству трудолюбивѣйшаго историка Важскаго края М. Мясникова,**) въ Слободско-Благовѣщенскомъ приходѣ, Шенкурскаго уѣзда, въ 1661 г. была воздвигнута церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы высотой въ 32½ саж., съ обширной и высокой напертью, окружавшей храмъ съ трехъ сторонъ: „я лично видѣлъ этотъ храмъ, говорить Мясниковъ, удивляясь и любовався его величіемъ, взоры и чувства мои парили въ сіе святилище“. Въ г. Шенкурскѣ въ 1582 г. была устроена соборная церковь во имя св. Архистратига Михаила, по свидѣтельству того же Мясникова, высотой въ 35 сажень, что почти равняется самому Ивану Великому въ Москвѣ***). Храмъ этотъ имѣлъ 3 придѣла, изъ которыхъ два находились по сторонамъ, а третій былъ устроенъ вверху—„на полатахъ“; кругомъ храма была устроена высокая обходная наперть или предхраміе, въ которое вели высокія крыльца. Какое зрѣлище величія и великолѣпія долженъ былъ являть этотъ храмъ Божій по одному наружному своему виду! „Величественная и огромная сія церковь, говорить Мясниковъ, сооружена была близъ берега р. Ваги на самомъ лучшемъ мѣстѣ: корпусъ храма образованъ былъ на 8 граней; вверху его осмерикъ, на высотѣ котораго устроены огромный шатеръ, на превьспренней окованности шатра блисталъ осмиконечный крестъ. Величественный храмъ сей былъ красотою Шенкурска и въ окрестностяхъ повсюду былъ видѣнъ, и всякъ съ благоговѣніемъ шель поклонился въ немъ Трїностасному Божеству“.

„По построенію сего величественнаго храма, замѣчаетъ Мясниковъ, можно судить о древнемъ зодствѣ: соразмѣрность частей, красота цѣлаго, прилічіе всего—показывали прекрасную архитектуру“. Просуществовавъ 93 года, храмъ этотъ въ полной крѣпости и красотѣ сгорѣлъ отъ молніи въ 1675 году****).

Обычно, шатеръ въ своемъ слухѣ имѣлъ довольно широкій переломъ кровельнаго ската, который назывался „полницею“ и служилъ для защиты стѣнъ храма отъ потоковъ дождевой воды; иногда подъ широту кровли выводили самые вѣнцы стѣнъ—что называлось „розваломъ“; во

* „Историч. опис. прих. и церкв. Арх. оп“, вып. I, стр. 257; III, 7.

**) „Историч. опис. Ваги“ Отеч. Зап. 1829 г., ч. 40, стр. 276—277.

***) Въ 35 саж. высоты выстроены были въ 1642 г. въ Верховицкомъ посадѣ храмъ во имя Успенія В. М.; онъ сгорѣлъ въ 1741 г. Мясниковъ, оп. сіѣ.

****) „Историч. оп. Ваги“ Отеч. Зап. 1829 г., ч. 30, стр. 256—262.

всякомъ случаѣ „полица“ всегда украшалась подвѣшеною рѣзьбою.— рѣзнымъ подзоромъ, придававшимъ зданію много красоты. На придѣлкахъ поставлялись меньшіе шатры или бочечныя покрытія съ главками наверху, съ „полицами“ внизу; иногда шатры и бочки соединялись въ одно орнаментальное цѣлое, и такимъ образомъ получалась, по замѣчанію одного историка, новая, очень красивая форма покрытія *). Небольшія окна съ слюдяными фигурными рамами, крыльца, входныя двери украшались рѣзьбою: „выкружками“, „подзорами“, „закомарниками“, „высѣчками“, „впялками“ прорѣзанными, „теремками“, „палочниками“, „балисами“ и росписью красками въ разнообразныхъ комбинаціяхъ эстетическаго содержанія; иногда рѣзьба, кромѣ того, шла вокругъ алтаря или храма по средней горизонтальной линіи въ видѣ пояса.

Чудные древнерусскіе храмы говорить внимательному наблюдателю о томъ свѣтломъ и прекрасномъ, что было на душѣ людей до-Петровской свитой Руси **), ихъ мистическое стремленіе къ возвышенному, къ небесному находило себѣ вѣрное и прекрасное выраженіе въ архитектурѣ шатровыхъ церквей, которыя, стремясь въ высь, къ небу,—увлекали съ собою и тѣхъ, кто ихъ видѣлъ, кто къ нимъ приближался. Искусство и красота, разлитыя во всей ихъ постройкѣ, величаво вносились среди окрестной тишины, создавали торжественное настроеніе и приводили душу къ ощущенію святости и небеснаго величія.

Богатый мистико-эстетическій матеріалъ даетъ уже одинъ видный видъ древне-русскаго храма, но еще болѣе мистиченъ, болѣе идейно-прекрасенъ былъ его внутренній видъ.—Поднявшись по нѣсколькимъ ступенямъ сложнаго крыльца, богомолецъ вступалъ въ „предхраміе“ или „паперть“; самыя двери, ведшія въ паперть, расписывались иногда изображеніями сотворенія міра, познанія Адама и Евы изъ рай, притчами „о блудномъ сынѣ“, „о мытарѣ и фарисеѣ“, „о десяти дѣвахъ“ и т. п. Паперть была какъ бы переходною ступенью изъ суетнаго міра въ тихій домъ молитвы и благоговѣнія: здѣсь еще было довольно свѣтло, и взорамъ богомольца прежде всего обычно представлялся „денснетъ“— что значитъ моленіе, молитва;—такъ называлась икона Спасителя съ помѣщенными на стѣнахъ съ иконами Божіей Матери и Иоанна Предтечи, изображенными въ молитвенномъ обращеніи къ иконѣ Спасителя, и затѣмъ иногда съ иконами херувимовъ и серафимовъ, благоговѣнно взирающихъ на икону Господа. По ту и другую сторону входныхъ дверей помѣщались иконы поучительнаго содержанія, какъ, напримѣръ: иконы двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ висѣвалъ въ свитокъ имена входящихъ въ храмъ Божій со страхомъ и съ благоговѣніемъ стоящихъ и молящихся въ немъ, а другой извлекалъ изъ книги живота „поздно приходящихъ, борзо стоящихъ и безвременно выходящихъ ***).

Изъ предхрамія богомолецъ вступалъ въ трапезу или въ самый храмъ: здѣсь все являло взору его картину мягкой, но впечатлительной, стильной красоты. Малое количество большихъ оконъ, помѣщенныхъ вверху, давало малое количество свѣта; таинственный полумракъ возбуждалъ сердечное вниманіе къ окружающей обстановкѣ, гдѣ все было полно молитвеннаго благоговѣнія, мира и покоя.

Мерцающія лампады, кроткій свѣтъ восковыхъ свѣчей, заполняющія почти все стѣны огромной духовной красоты изображенія святыхъ,

*) П. П. Милюковъ, Исторія русскаго искусства, ч. 2, стр. 203.

**) „Культурныя сокровища Россіи“, Вып. 1, 1912 г., стр. 3.

***) „Историч. оп. др. и ц. Арх. вѣд.“ вып. 2, стр. 13.

отрѣшенные отъ всякой чувственности, болѣе символическія, чѣмъ реальныя, какъ будто смотряція изъ страны духа и святости, дѣйствовали на душу въ высшей степени трогательно и умилятельно. Древнерусская иконопись была сильна своею идейностью: въ ней наши предки выражали свои завѣтные идеалы, святость, подвижъ, спасеніе души.— все, чѣмъ они жили и къ чему стремились, и потому иконныя изображенія древнерусскаго искусства знали пути къ душѣ, оставаясь на себѣ молитвенныя взоры и были безмолвными свидѣтелями незримыхъ слезъ радости и печали. Особенное вниманіе сосредоточивалъ на себѣ 5-русскій, перѣдко 6-русскій иконостасъ, представлявшій собою грандіозное видимое изображеніе домостроительства Возлія въ спасеніи рода человеческого, начиная отъ петеріи церкви вселенской, начиналъ съ первыхъ временъ и кончалъ послѣдними. Вверху иконостаса помѣщалось изображеніе или Господа Саватова или чаще Перукотвореннаго Спаса, Главы Церкви святыхъ, по слову апостолу, „дабы все небесное и земное соединить подъ Главою Христомъ“ (Ефес. I. 10); написанное въ крупныхъ размѣрахъ изображеніе это давало возможность ясно различать величественныя и вмѣстѣ крохотныя черты Возжественнаго Лица. По ту и другую сторону этой иконы помѣщались изображенія—перѣдко рѣзныя—пламенногогорящихъ херувимовъ и серафимовъ, съ трепетнымъ благоговѣніемъ взиравшихъ на Господа Вседержителя. „Изображеніе херувимовъ и серафимовъ на поверхности алтаря,—замѣчаетъ Мисниковъ—*), представляло величественное украшеніе святилища: видя сии изображенія, богомолецъ съ благоговѣніемъ говоритъ: „превыше херувимы славы, осѣняющіе алтарь“ (Евр. IX, 5); число такихъ изображеній доходило иногда (какъ, напр., въ Троицко-Ухтоостровской церкви въ полов. XVII в.) до 40 и представляло великій сонмъ архангеловъ и ангеловъ.—Первый сверху рядъ иконостаса вмѣщалъ въ себѣ иконы прародцевъ—начиная съ первозданнаго Адама—съ иконой Господа Саватова въ срединѣ яруса. Слѣдующимъ рядомъ были иконы пророковъ, при чемъ центральной иконой въ этомъ ярусѣ была икона „Воплощенія отъ Пречистыя Дѣвы“, иначе—икона Возліей Матери „Знаменіе“. Прародцы и пророки изображали съ устремившими свои лица и взоры къ иконѣ, центральной въ своемъ ярусѣ, при чемъ пророки—держащими въ рукахъ своихъ свитки съ пророчествами, относящимися къ воплощенію Сына Возлія: восторженныя позы и лица ихъ выражали радость объ исполненіи ихъ пророчествъ. Всѣ эти иконы были узкія и длинныя, и число ихъ простиралось до 40 и болѣе, смотря по размѣрамъ церкви. Слѣдующій ниже ярусъ, называвшійся „носомъ“, вмѣщалъ въ себѣ иконы Господнихъ и Богородичныхъ праздниковъ съ иконой Пресвятой Троицы или Воскресенія Христова въ срединѣ; здѣсь были изображены по возможности всѣ событія нашего искупленія, начиная отъ Рождества Приснодѣвы Маріи и кончая Сошествіемъ Са. Духа, Успеніемъ Пресв. Богородицы, Воздвигненіемъ честнаго Креста Господня, Покровомъ Пресв. Богородицы и т. д. Иконы эти были шире и короче, чѣмъ иконы верхняго яруса. Иногда надъ этими иконами во всю ширину иконостаса помѣщалась еще т. наз. „лѣтвица“, содержащая записи о времени построения храма и освященіи его—на память грядущимъ поколѣніямъ мѣстномъ торжествѣ върѣ и церкви Христовой.—Ниже упоминаемаго пояса слѣдовала или одинъ ярусъ, называвшійся апостольскимъ, или два яруса, при чемъ второй назывался „большимъ денникомъ“. Цен-

*) „Историч. оп. Вагн“. Отеч. Зап. 1829 г. ч. 20, стр. 258—259.

трапной иконѣ въ этомъ ярусѣ была икона Господа Вседержителя, по правую сторону которой помещалась икона Божіей Матери, а по лѣвую—Іоанна Предтечи; затѣмъ слѣдовали иконы архангеловъ Михаила и Гавріила, апостоловъ и святителей и др. святыхъ; все они изображались въ молитвенномъ обращеніи къ иконѣ Спасителя, съ сосредоточенною серьезностію, одухотворенныя внутреннею благодатною жизнью; по размѣрамъ эти иконы были опять узкія и длинныя.—Накоонецъ, въ нижнемъ—мѣстномъ—ярусѣ на самыхъ видныхъ мѣстахъ по правую сторону царскихъ вратъ помещалась храмовая икона, а по лѣвую—икона Божіей Матери; затѣмъ иконы великихъ праздниковъ Богоматери и святыхъ, символическія и вообще наиболее чтимыя въ данномъ мѣстѣ; иконы эти изображались болынею частью „въ дѣяніи“, „въ чудесахъ“, „въ житіи“, „въ моленіи“, представляли палящее пошествованіе о жизни и дѣятельности при подвигахъ и страданіяхъ изображаемаго лица. Широкия по размѣрамъ иконы нижняго яруса и небольшія, сравнительно съ верхними, изображенія лицъ давали возможность иногда умѣщать на этихъ иконахъ болыне количество лицъ и событій, напр., мѣстный образъ Св. Троицы „въ чудесахъ“, т. наз. „Отечество“, бывшій въ половинѣ XVII в. въ Троицко-Ухтоостровской церкви Холмогорскаго у., вмѣщалъ въ себѣ изображенія 63 лицъ; въ Шенкурскомъ соборѣ до настоящаго времени имѣется икона Іоанна Предтечи „въ житіи“, на которой въ 13 изображеніяхъ представлена исторія о великомъ пророкѣ, начиная отъ явленія ангела отцу его Захаріи съ благовѣстіемъ о его рожденіи и кончая третьимъ обрѣтеніемъ главы пророка.

На сѣверной двери, ведущей въ алтарь, чаще изображался благо-разумный разбойникъ, съ представленіемъ о которомъ неостѣжимо соединяется его чудная молитва: „Помози ми, Господи, егда приидеши во царствіи Твоихъ“, столь умѣстная въ устахъ священнослужителя для благоговѣйнаго вступленія въ св. алтарь. Изъ другихъ изображеній употреблялись: т. наз. „бытіе“, т. е. сотвореніе міра и человека, жизнь первыхъ людей въ раю, грѣхонаденіе ихъ и изгнаніе изъ рая, иногда—убіеніе пророка Захаріи между церковью и алтаремъ^{*)}, убіеніе перво-мученика діакона Стефана и другія знаменательныя церковно-историческія или символическія изображенія. Изъ числа послѣднихъ упомянемъ объ изображеніи, бывшемъ въ Шеговарской церкви, Шенкурскаго уѣзда, въ половинѣ XVII в. Въ верхней части двери было изображено нарствіе небесное въ видѣ праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова; у бождаго изъ нихъ „въ зонѣ“, т. е. на переклѣ,—но нѣсколько дунгъ святыхъ; въ средней части—на одрѣ умирающій праведникъ; у главы его сидящій съ арфою или псалтырью псаломъвецъ Давидъ и ангель-хранитель, по сторонамъ—два ангела, пришедшіе за душою его, у ногъ смерть, сидящая на змѣрѣ—львіи—два удаляющихся демона. Выше изображено противоположное—умирающій грѣшникъ; его окружають три страшныхъ демона, пришедшіе за душою его, у ногъ—смерть и удаляющійся съ печалью ангелъ^{*)}.

Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что между сѣверною дверью и царскими вратами въ древне-русскомъ иконостасѣ всегда помещалась икона Божіей Матери,—по слову писаніи: „предста Царица одесную Тебѣ“ (Ис. XLV, 10),—и именно—„Одигитри“, т. е. Путеводительница, которая и называется въ описяхъ поэтому „межвратною“.

^{*)} „Истор. оп. прих. и ц. Арх. еп.“ вып. 2, стр. 137.

Изъ всѣхъ наименованій Богоматери благочестивому сознанию людей древней Руси особенно назидательно и отрадно было именовать и почитать Ее и молиться Ей, какъ Высшей, Всемошной Путеводительнице жизни и спасенія. По сказанному у псалмопѣвца „приведется Царю дѣвы въ слѣдъ Ея... приведется въ веселіи и радованіи“ (Пс. XLVI, 15), т. е. души чистыя отъ любви къ міру, очистившіяся покаяніемъ и слезами достигнуть соединенія съ Христомъ. Такъ, съ иконой Одигитрии прибылъ на Соловецкій островъ въ 1429 г. первый насельникъ его и основатель обители препод. Савватій; съ иконой Одигитрии прибылъ сюда же въ 1540 г. бояринъ Осодоръ Колычевъ, впоследствии игуменъ Филиппъ, великій благоустроитель обители*). Мы страшики и пршельцы на землѣ.—разсуждалъ древнерусскій богомолецъ; наша жизнь есть путь отъ настоящаго къ будущему, отъ временнаго къ вѣчному: отъ колыбели до могилы страдаю я по этому пути, мы неизбежно стѣшимъ къ концу его; каждый день, каждый часъ незамѣтно приближаетъ насъ къ вратамъ вѣчности... Какая участь постигнетъ меня?.. Содрогаясь и трепеща, въ полнощной тишинѣ къ Пресвятой Богородицѣ опять горячо молился: „ступати право мя настави, путю заповѣдей Христовыхъ, волнуемая житейской бурей ко стези ми показанія направи“, „царствія божественныя входи отверзти исходатайствуй ми“; въ канонѣ Одигитрии, положенномъ для чтенія на каждую среду, взывалъ: „радуйся, дворе небесная, радуйся, вѣрныхъ спасеніе, радуйся, православыихъ надеждо, радуйся, Одигитрие (Путеводительнице) всѣхъ и всегда настаивающаи шествовати ко всякому пути спасительному“.—Обычно большихъ размѣровъ—изображеніе Богоматери—Одигитрии отличалось особою выразительностью и производило на молящагося неизгладимое впечатлѣніе: какъ живая, Богоматерь умиленно взираетъ на принедашаго грѣшника, какъ бы располагая его къ чистосердечному раскаянію во грѣхахъ и ободряя милосердіемъ Божиимъ; лишь Богомладенца также умиленно-кротко, со свѣткою въ лѣвой рукѣ и съ приподнятой для благословенія правой рукой.

Помѣщеніе иконы Одигитрии въ той части иконостаса, мимо которой совершаются богослужбные выходы священнослужителей изъ алтаря для пачатія богослуженія и для произнесенія ектеній, а также съ Евангеліемъ, со Св. Дарамъ имѣло еще, быть можетъ, своею цѣлію возбуждать въ священнослужителяхъ особое благоговѣніе при совершеніи богослужбныхъ дѣйствій и обрядовъ, напоминая имъ первыя слова того же канона Одигитрии: „радошно шлѣгъ наставшее хваленіе приношу и тихимъ гласомъ воию ти: исполни мя разумъ, шлѣти пачающа“.

Наконечъ—„царскія двери“—это входъ къ святиль, двери царствія небеснаго, отверзаемыя вѣрующимъ ученіемъ, жизнью, страданіемъ, смертью и воскресеніемъ Христа Спасителя и приобщеніемъ Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, единственнаго залого вѣчной жизни и всецѣлаго общенія съ Божествомъ,—мѣсто великое въ храмѣ по своей таинственности и святости. И наши предки на устройство царскихъ дверей обращали особое вниманіе: обычно царскія двери состояли изъ т. н. „сѣни“, столпцовъ и самыхъ дверей. „Сѣнью“ въ простомъ видѣ называлась иконная доска съ полукруглой выемкой внизу, образующей арку царскихъ вратъ; на сѣни всегда изображалось „Спасово милосердіе“ или подаяніе Спасителемъ Своимъ ученикамъ пречи-

* „Истор. ош. Солов. мон.“ архим. Досенца, 1853 г., ч. I, стр. 282.

стаго Своего Тѣла—я—особо—Крови; перѣдко къ этому изображенію присоединялось еще изображеніе Св. Троицы; сѣнь украшалась рѣзьбою, изображеніями рѣзныхъ херувимовъ и серафимовъ. Столпцы, поддерживавшіе сѣнь, также всегда были болѣе или менѣе рѣзные, часто золоченые и расписанные священными изображеніями—въ верхней части—архангеловъ, ниже—апостоловъ, святителей и св. первоіаконовъ, при чемъ расписывался всѣ три видимыя грани или стороны столпцовъ, т. е. кромѣ задней. Характерную особенность устройства царскихъ дверей древнерусскаго храма, возбуждающую съ перваго взгляда недоумѣніе, составляло то, что они не доходили до полу першкомъ на 6—8 и болѣе; но и здѣсь, по нашему мнѣнію, была особая идейная мысль: вслѣдствіе такого устройства, при острокопечномъ своемъ верхѣ они казались, особенно въ моменты отверзанія, раскрытія ихъ, какъ бы поднимающимися и, видимо, патетически выраженіе словъ исаіемскихъ: „возьмите врата книзи ваша, возмѣтеся врата вѣчная и увидеть Царь Славы“. Самыя двери были болѣе или менѣе фигурными, раздѣлялись полосами или углубленіями на двѣ или на три части; при этомъ въ верхнемъ полукружій изображалось болѣею частью Благовѣщеніе— „нашего спасенія начатокъ“ или „главизна“.—ниже—святители Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій, составители чина божественной литургіи, на которой совершается таинство Евхаристіи, или—святчелесты, какъ благовѣстники о Христѣ Спасителѣ; эти изображенія поручались писать лучшимъ иконографамъ и писались они часто „на золотѣ“. По все же въ такомъ видѣ было наиболѣе простое устройство царскихъ дверей: гораздо чаще сѣнь, столпцы и двери были или силою рѣзаны или украшались весьма искусной мелкой и сложной рѣзьбой, а рѣзные столпцы представляли изъ себя гроздь винограда. Мастерство этихъ орнаментальныхъ формъ было изумительно по своей красотѣ и искусству: причудливо извивались и сплетались фигуры рѣзбы и вѣтви винограда, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ чувствовалась выдержанность замысла и прекрасное выраженіе высочайшей христіанской идеи. Ходатай Нового Завѣта Господь Іисусъ Христосъ, преподавая апостоламъ на Тайной Вечери Тѣло и Кровь Свои и выменя ту великую духовную пользу, какую получаютъ вбрующіе въ Него чрезъ вкушеніе Тѣла и Крови Его, сравнилъ Себя съ виноградной лозой: „Я семя виноградная лоза, говоритъ о Себѣ Спаситель, а Отець Мой виноградарь... Пробудьте во Мнѣ и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ“ (Іоан. XV, 1—4). Виноградный сокъ, присутствующій въ таинствѣ Евхаристіи въ Кровь Христову, необходимъ для существеннаго соединенія со Христомъ всѣхъ вбрующихъ, какъ существенно необходимо сокъ виноградной лозы для жизни и единства съ нею всѣхъ ея вѣтвей. Такимъ образомъ, художественное изображеніе на царскихъ вратахъ виноградной лозы было не орнаментальной только формой, но являлось нагляднымъ и выразительнымъ символомъ таинственнаго и тѣснѣйшаго единенія вбрующихъ со Христомъ въ Его Крови“.

Самое тѣло иконостаса въ древнерусскомъ храмѣ было довольно просто и состояло изъ болѣе или менѣе узкихъ перегородокъ и рамъ между иконами, однако, русское искусство умѣло дѣлать изящнымъ и красивымъ какъ общій видъ его, такъ и отдѣльные ряды, употребляя

*) П. Н. Троицкія—„Виноградная лоза—символь евхаристіи“. „Святительскія“ 1913 г. № 9, стр. 27.

для этого раскраску, рѣзьбу, серебрение и золоченіе. Для раскраски употреблялись синій, темнозеленый, голубой и алый цвѣта, которыми писались преимущественно „травы“. Для образца употреблявшихся украшеній иконостаса можно указать—по сохранившейся дефектной описи—на иконостасъ бывшаго деревяннаго Холмогорскаго собора, построенаго въ половинѣ XVII в. Между изображеніями херувимовъ и серафимовъ въ верху иконостаса были помѣщены звѣзды, обложенныя серебромъ; столбики между изображеніями пророковъ также были покрыты серебромъ листовымъ, а поперечная перекладина между верхнимъ рядомъ пророковъ и слѣдующимъ—пророковъ—была росписана „по левкасу красками травъ“; столпики между изображеніями пророковъ опять были „покрыты серебромъ листовымъ“; иконы Владычныхъ и Богородичныхъ праздниковъ были украшены „подзорнами“, росписанными „по левкасу травами“. Если прибавимъ къ этому, что стоявшіи предъ мѣстными иконами „свѣщи“, т. е. соответственно довольно высокіи тумбы, на которыхъ поставлялись свѣщи, были также росписаны „травы“,—невольно напрашивается мысль: не являла ли такой иконостасъ картину сада, облитая кроткимъ свѣтомъ луны и звѣзды и взрывающимися изъ небесной выси кроткими ликами ангеловъ и святыхъ? Не являла ли она картину даже того Геосманскаго „вертограда“, въ которомъ въ тишинѣ лунной ночи „съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами“ молился Самъ Спаситель міра предъ наступленіемъ Своихъ крестныхъ страданій для искупленія людей?..

Иконами уставлялись, какъ мы уже говорили, и всѣ другія стѣны храма, и число изображаемыхъ ими лицъ, событій и символовъ было чрезвычайно обширно. Такъ называемый „денсень“, т. е. изображенія Спасителя съ предстоящими предъ Нимъ „въ моленіи“ Божіей Матерію, Иоанномъ Предтечею, архангелами, иногда—апостолами, святителями и др. святыми помѣщались почти на всѣхъ стѣнахъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ отдѣльныхъ храмахъ. Кроме изображенія Св. Троицы ветхозавѣтной, Отечества или Св. Троицы новозавѣтной, Господа Вседержителя, Нерукотвореннаго Образа и событій изъ земной жизни Спасителя, иконъ Божіей Матери, изображеній херувимовъ, серафимовъ, архангеловъ, апостоловъ, пророковъ, пророцвъ, изображались святые изъ сонма вселенскихъ и русскіихъ святителей, мучениковъ и мученицъ, преподобныхъ, праведныхъ,—чаще въ житіи и дѣяніяхъ. Нужно замѣтить, что изображенія Спасителя, Божіей Матери, событій нашего искупленія были свѣтлы и ярки, точно самоцвѣтные камни, во образѣ преподобнаго старца художника обычно вѣтъ линію описки съ исключительной прямотою и въ некоторой сухостию, выразительно подчеркивая аскетическій характеръ сятаго.

Среди множества мудрыхъ, прекрасныхъ и вѣчныхъ по своему значенію иконописныхъ изображеній остается особое на себѣ значеніе образъ „о Тебѣ радуется, Благодатная, всяка тварь“ или „Похвала Богородицы“. На немъ изображалась Богоматерь съ Богомладенцемъ на рукахъ, возсѣдающая на царскомъ тронѣ и окруженная ангелами; у подножія трона—лазоревые и алые цвѣты, свѣтлыя травы и деревья съ поющими птицами. Къ подножію трона принадлежитъ ликъ пророковъ, апостоловъ, святителей, мучениковъ, восхваляющихъ Христа съ Богоматерію; ниже ихъ стоятъ цари, священники, міряне, а

жде ниже—земные цѣлты, и хвала всей Церкви земной и небесной устремлена ко Христу и Прислѣдѣвѣ*).

Упомянемъ еще о весьма рѣдко встрѣчающейся икѣ „Копевской“ иконы Божіей Матери, значащейся въ описи Сіиискаго монастыря въ 1577 г. На иконѣ этой Христосъ-Младенецъ изображался сидящимъ на лѣвомъ колѣнѣ Богоматери и держащимъ въ рукахъ птичку. Икона была нагляднымъ изображеніемъ той идеи, что Богомладенецъ Иисусъ есть Творецъ и Всеблагій Промыслитель, Который содержитъ въ Своей всемогущей длани всякую тварь, и безъ воли котораго не падаетъ на землю и малый итенецъ. Образъ весьма спальный въ выразительности своей идеи и отрадный по своему жизненному значенію для христіанина **).

Въ каждомъ храмѣ имѣлась въ старину икона весьма большихъ размѣровъ, изображавшая Страшный Судъ или Второе приншествіе Христова; помѣщалась эта икона на видномъ мѣстѣ, часто на западной стѣнѣ храма или трансѣ. Обширное изображеніе вмѣщало въ себя разныя моменты въ исторіи Страшнаго Суда: трубный гласъ, возстаніе мертвыхъ изъ гробовъ, самый Судъ, низверженіе грѣшниковъ въ адъ и блаженство праведныхъ. Огненно-красный фонъ, страшный видъ сатаны—змѣи, безысходное отчаяніе грѣшниковъ, низвергаемыхъ въ геенну, радостное, свѣтлое умиленіе праведниковъ—производятъ глубокое впечатлѣніе: трепетно всматривается богомолецъ въ это изображеніе, приближается къ выходу изъ храма,—„Множества содѣявшихъ мною лютыхъ помышляя, окаянныя, трепещу страшнаго дне суднаго“, „помышляю день страшный и плачуся дѣшійи мнѣхъ лукавыхъ, како отвѣщаю Вѣсмертному Царю, коимъ дерзновеиємъ возарю на Судію“—пропѣваютъ душу его слова церковныхъ ѣвснопѣній и молитвъ. Но,—говоритъ преев. архіеишескоіи Антоній Волынекій,—оборачиваясь на востоцъ, чтобы сдѣлать три уставныхъ выходныхъ метанія, богомолецъ иновъ видитъ благолюбивыя царскія врата, сіющія свѣтлыми гармоническими сочетаніями цѣлтовъ, Спасителя, Божію Матери, Предтечу, сонмъ свѣтыхъ, исполненныхъ блаженно-ясныхъ и глубокихъ чувствъ, которые говоритъ ему: ради нетлѣнной красоты Царства Христова помни о немъ, когда ийдешь на рынокъ жизни. Примиришый, просвѣтленый и укрѣпленый на борьбу съ грѣхомъ выходитъ онъ на дѣло свое до вечера, а тамъ, становясь на вечернюю молитву, снова обращаетъ свою мысль къ Страшному Суду Божію и красотѣ торжественнющаго собора свѣтыхъ въ Царствѣ Христовомъ ***). Чувствуя все величїе, всю силу и радостную мощь въ объединеніи, въ общемъ дѣлѣ Божіемъ, въ приближеніи души къ потоку паливающейся на вѣхъ божественной жизни, онъ готовъ врываться изъ тѣла и нестись по небеснымъ путямъ религіознаго восторга...

Такъ, старинное наше церковное строительство, подымаясь духовно-религіозной идеей, въ лучшихъ своихъ памятникахъ стремилось возвысить душу молящагося къ небесному, божественному, возможно глубже повлѣять на внутренняго человека. Положительно трудно было оторвать глаза отъ свѣцелныхъ изображеній древнерусскаго иконостваса, объединившихся въ чувствій молитвеннаго благоговѣнія и небесной рѣзвсти, которые льются цѣлтами каскадами живыхъ, дѣйствительныхъ и

* С. П. Дурылинъ—„Церковь невидимаго града“.—1913 года М., стр. 95.

** П. И. Троицкій—„Копевская икона Пр. Богородицы“—Свѣтильникъ 1913 г. №№ 4—5, стр. 32.

*** „Возрожденіе церковнаго искусства“—„Христіанинъ“ 1910 г., сент. стр. 32.

зрительныхъ впечатлѣній. Въ черты религіознаго письма вмѣстѣ съ свѣтлыми гармоническими сочетаніями цвѣтовъ придаютъ ему просвѣтленный обликъ, исполненный глубокихъ чувствъ. Это—чудная симфонія, красками воплощающая столько душевныхъ переживаній въ рѣшеніи величайшихъ вопросовъ о пути, цѣли и смыслѣ жизни, сколько—быть можетъ—не вызвать самыми гениальными напряженіями мысли *).

Такъ полные духовнаго содержанія, родные русскому человѣку національностью своихъ формъ старинныя наши храмы въ продолженіе вѣковъ воспитали великихъ подвизниковъ и могучихъ защитниковъ земли русской, при которыхъ Русь могла переносить все тяжкія родины своей исторіи. Такіе храмы могла создавать только святая Русь, по народнои вѣрѣ, избранная и благословенная Богомъ земля; „русская душа и сердце, говоритъ просв. Антоній, сумѣли воплотить въ дерево и краски ту святую настроенность сердечнаго умиленья, которая давалась христіанамъ Востока на высшихъ ступеняхъ ихъ духовной жизни“ (**).

I. Сибирцевъ.

Контуръ Архангельской Кареліи.

Возникновеніе интереса къ Кареліи.

Нѣсколько столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ историческая волна прибила Карелію къ русскому берегу.

Случилось такъ, что одна часть Кареліи вошла въ составъ губ. Олонецкой, другая—Архангельской. До 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія обѣ Кареліи находились въ одинаковомъ первобытномъ состояніи. Опекунъ гражданъ Русской Имперіи не только не позаботился привить краю культуру, но, повидимому, совѣмъ позабыли его. Съ 70-хъ годовъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Дарованное Императоромъ Александромъ II земство Россіи распространилось также и на Карелію, но, къ сожалѣнію, не на всю, а только на „Олонецкую“. Архангельская Карелія и вмѣстѣ съ нею вся Архангельская губ. попрежнему остались на попеченіи чиповниковъ. Результатъ не замедлил сказаться. Въ настоящее время Олонецкая Карелія, благодаря земству, имѣетъ хорошія трактовыя и проселочныя дороги, больницы, фельдшерскіе, акушерскіе и ветеринарные пункты, много благоустроенныхъ школъ, агронома и т. д., однимъ словомъ, Олонецкая Карелія развивается и процвѣтаетъ, между тѣмъ Архангельская Карелія находится въ томъ же болотномъ состояніи, что и въ сѣдую старину. Колесныхъ дорогъ въ Архангельской Кареліи нѣтъ, населеніе употребляетъ для различнаго рода записей, вмѣсто бумаги, палку, вмѣсто пера и карандаша, топоръ и ножикъ, вмѣсто словъ, клейма, лѣтится населеніе все однимъ и тѣмъ же традиціоннымъ способомъ: или хвощется вѣшикомъ въ жарко истопленной банѣ, или пьетъ нашенганную колдунями воду, а если эти два средства не помогаютъ,—больные карелы молятся Богу и уже послѣ этого идутъ къ фельдшеру приговаривая: „бывать хуже не будетъ“. О благосостояніи Архангель-

*) Еп. Юсифъ—„Плащаница Ростовскаго Успенскаго собора“. „Свѣтильникъ“, 1914 г. № 1.

**) Возрожденіе церковнаго искусства стр. 27.

нихъ карель говорить также не приходится. Несмотря на то, что карелы круглый годъ работаютъ отъ зари до зари, зажиточныхъ среди нихъ немного—большинство карель—бѣдняки, находящиеся постоянно въ долгу то у поморовъ-рыбнпромышленниковъ, то у лѣсопромышленниковъ.

Покорно и молча переносили архангельскіе карелы свою горькую судьбу на протяжении многихъ лѣтъ, не надѣясь, что о нихъ кто-либо позаботится. Не думали карелы въ 1907 году, что въ жизни ихъ наступаетъ желанный просвѣтъ.

Но свершилось чудо.

Въ одинъ прекрасный день вокругъ забытаго, безграмотнаго, больного, голоднаго, измученнаго „дитяти“ оказалось сразу, какъ говорится, семь нянекъ.

Чудо совершилъ господиный случай.

Въ 1906—7 году подъ влияніемъ событій знаменитаго въ исторіи Россіи 1905 года въ нѣкоторыхъ финскихъ журналахъ и газетахъ, въ частности въ „Карельскихъ разговорахъ“, было напечатано нѣсколько статей съ призывомъ идти на помощь къ братьямъ-карелямъ, блуждающимъ въ тьмѣ культурнаго и религіознаго невежества. Одна изъ финскихъ газетъ, между прочимъ, говорила: „карелы ввѣрены намъ, мы ихъ ближніе, какой другой народъ обязанъ послать къ нимъ евангелистовъ, какъ не мы—ихъ родное племя. Да, воистину будетъ стыдно намъ, если Фругіе, а не мы, финны, отправимся съ проповѣдію въ Карелию“.

Призывъ финской печати не оказался тщетнымъ—проповѣдники нашлись—и, несомнѣнно, имѣли бы крупныя реальныя послѣдствія, если бы не то сильное противоѣдствіе, не тотъ дружный отпоръ, который проявило при соѣдѣствіи гражданскихъ властей и полиціи православное карельское духовенство.

Духовенство Карелии устами своего вождя прот. В. А. Смирнова—заявило: „Не финнамъ, а намъ русскимъ исторія ввѣрила бѣломорскихъ карель. Мы, русскіе, ихъ ближніе. Какой народъ, если не мы, русскіе, должны позаботиться о карелахъ, чтобы удержать ихъ въ нѣдрахъ православної церкви и въ подданствѣ русскому православному Царю. Будемъ ли стоять праздными, когда видимъ угрожающую имъ опасность со стороны финляндцевъ“.

Для борьбы съ финскимъ влияніемъ первоначально 26 декабря 1907 года было открыто въ г. Кемѣ „Отдѣленіе Финляндскаго Православно-Карельскаго Братства во имя великом. Георгія Побѣдоносца“ съ нѣсколькими измѣненіямъ уставомъ, принятымъ къ мѣстнымъ условіямъ. Св. Синодъ не призналъ желательнымъ „Кемское О. Ф. П. К. Бр.“ и предложилъ основать для Архангельской Карелии особое самостоятельное братство. Открытіе самостоятельнаго братства состоялось въ присутствіи епископа Юаннія и губернатора П. В. Сосновскаго 17-го февраля 1908 года въ г. Архангельскѣ подъ именемъ „Архангельскаго Пр. Кар. Братства во имя св. Архангела Михаила“. „Кемское Отдѣленіе Финляндскаго Братства“ было соответственно переименовано въ „Отдѣленіе Архангельскаго Братства“, и т. д. Главная цѣль вновь открытаго Братства, какъ видно изъ устава Братства, осталась прежней.—Братство во имя св. Архангела Михаила, учреждается въ Архангельскѣ для просвѣщенія бѣломорскихъ карель въ духѣ св. православной вѣры для укрѣпленія и преуспѣянія среди нихъ православія и для противоѣдствія пропагандѣ финляндцевъ, стремящихся охотеранить и

офицiать православныхъ карелъ, т. е. отвязать ихъ отъ православія отторгнуть ихъ отъ исконной преданности Русскому Царю и русскому народу“.

Одновременно съ развитіемъ событій, происходившихъ въ лагерѣ духовенства, Кареліей заинтересовалась мѣстная пресса въ лицѣ газетъ „Сѣвернаго Листка“, „Архангельска“, „Епархіальныхъ“ и „Губернскихъ“ вѣдомостей, а вѣздѣ за прессой и общество.

Вътомъ 1909 года Карелію посетилъ первый изъ Архангельскихъ губернаторовъ П. В. Сосновскій, зимою 1911 и 12 года—ениковъ Карсоповъ.

О Кареліи, которой раньше многіе не знали, заговорили, стали писать, печаловаться, Кареліей положительно заинтересовались.

Въ 1908 году вышла въ свѣтъ первая по полнотѣ и обстоятельности свѣдѣній книга о Кареліи „Архангельская Карелія“—изд. Архигуб. статист. ком.

Съ основаніемъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера и съ возникновеніемъ журнала при немъ статьи и замѣтки о Кареліи стали появляться въ этомъ послѣднемъ органѣ. Составлялась т. об. литература о Кареліи, которая (литература) была въ прошломъ не только скудной, но прямо таки мизерной.

Въ настоящему времени всѣ существенныя нужды Кареліи уже выиснены, но въ виду того, что ни одна изъ нуждъ, за исключеніемъ народнаго образованія, не удовлетворяется и нѣтъ надежды на скорое удовлетвореніе, не только желательно, но и необходимо постоянно, настойчиво и неуклонно поддерживать печатно интересъ къ Кареліи, памятуя пословицу: ребенокъ не плачетъ, мать не разумѣетъ...

Пишущій эти строки народный учитель Кареліи, желая поближе ознакомиться съ забытымъ краемъ, совершилъ по нему 1 1/2 мѣсячную экскурсію. Мысль путешествовать по Кареліи зародилась у меня подъ вліяніемъ статьи В. А. Лепсауръ „О памятникахъ церковной древности до XVIII вѣка въ Архангельской губер.“, гдѣ, между прочимъ, есть такое мѣсто: „Помимо указанныхъ памятниковъ монастырей, церквей и утвари должно существовать еще немало памятниковъ незарегистрированныхъ и никому неизвѣстныхъ, какъ изъ церковной старшины, такъ и изъ другихъ областей, за что говорить, во-первыхъ, прошлая жизнь Сѣвера и, во-вторыхъ—современныя условія: отсутствіе путей сообщенія, связывающихъ сѣверную окраину съ кипучимъ центромъ, и ея географическая изолированность: ясно, что много должно быть памятниковъ изъ государственной и научной археологіи... Вмѣстѣ съ началомъ собранія церковной старшины необходимо обратить разностороннее вниманіе на остальную старину Архангельской губерніи“.

„Не слѣдуетъ останавливаться на кажущемся отсутствіи людей въ провинціи, таковыя найдутся, если ихъ начать звать“ („Извѣстія А. О. П. Р. С.“ за 1912 г. № 4, стр. 170—171).

Послѣдній слова эти приведенной поддержкой статьи и послужили для меня главнымъ толчкомъ къ путешествію, результатомъ котораго является предлагаемая вниманію читателя статья „Контуры Архангельской Кареліи“.

Въ виду того, что средства на путешествіе мнѣ были предоставлены Правленіемъ Арх. О-ва изуч. Русскаго Сѣв., которое вправѣ поэтому ожидать отъ меня матеріала болѣе цѣннаго, чѣмъ предлагаемый,

считаю нужнымъ сдѣлать оговорку. Задача моей экскурси состояла въ томъ, что я предполагалъ обойти всю Карелию съ такимъ расчетомъ, чтобы побывать во всѣхъ административныхъ пунктахъ 13 волостей края, описать трактовья, проселочныя и выселочныя дороги каждой волости, описать, насколько это въ моихъ силахъ, памятки старины, собрать свѣдѣнія объ имѣющихся старинныхъ книгахъ, предполагалъ собрать на мѣстахъ (въ волост. правл.) статистическія данныя объ экономическомъ положеніи карель за послѣднія 5 лѣтъ, намѣревался записывать повѣрья, сказки, легенды и, вообще, этнографическія особенности карель.

Изъ 13 волостей Карелии мнѣ удалось побывать въ 10-ти. Въ Карелии, какъ и во многихъ захолустныхъ окраинахъ Россіи, маршруты диктуютъ дороги, или вѣрнѣе земскія станицы. Тамъ, гдѣ нѣтъ земскихъ станицъ, путешественникамъ приходится или совсѣмъ отказаться отъ намѣченнаго маршрута, если въ перспективѣ путь рискованный, или частично измѣнить маршрутъ и платить большія деньги частнымъ проводникамъ, кромѣ того, тратить лишнее время на подысканіе проводниковъ, особенно въ лѣтнюю страдную пору, когда крестьяне заняты своей неотложной работой и уходятъ иногда съ дому на цѣлую недѣлю (напр., на сѣнокосъ), оставляя домашничать дряхлыхъ да малыхъ.

Отмѣченныя мною неудобства дорожнаго путешествія по захолустнымъ окраинамъ и послужили причиной того, что я не могъ посѣтить еще трехъ наиболѣе отдаленныхъ волостей Карелии—Тихтозерской, Олангской и Вычтайбольской.

Въ посѣщенныхъ мною волостяхъ—Лѣтнеконецкой, Тушудской, Юшкозерской, Кондожской, Вокнаволоцкой, Ухтинской, Кестенгской, Подужемской, Маслозерской и Погольской я выполнялъ программу въ той части, которая касалась дорогъ, памятниковъ, старины, книгъ, настолько, насколько позволяли обстоятельства. Силою и рядомъ мнѣ приходилось бесѣдовать съ такими мужиками Карелии, которые не знали путей сообщенія даже въ своей волости; въ нѣсколькихъ старинныхъ часовняхъ не удалось побывать потому, что они были замурты, ключи находились у священника или у старости, которые были вдали отъ дома на работѣ.

Вообще выбранное мною время—лѣто, когда крестьяне отъ зари до зари находились на работахъ, во многихъ отношеніяхъ оказалось неблагоприятнымъ для экскурси.

Что касается статистическихъ данныхъ объ экономическомъ положеніи карель, то я не собралъ этихъ данныхъ потому, что г. Губернаторъ не разрѣшилъ мнѣ, несмотря на ходатайство Правленія О. Н. Р. С., познакомиться съ соответствующими матеріалами.

Для собиранія этнографическихъ свѣдѣній нужно прежде всего знаніе языка того народа, который является объектомъ изученія, затѣмъ нужно время и особый навыкъ.

Не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь (въ своемъ мѣстѣ это неудобно) одну характерную сценку.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ карельскомъ селѣ, въ квартирѣ N, русскаго интеллигента, проживающаго въ Карелии 10-й годъ.

Рѣчь заходитъ о покойникахъ.

Спрашиваетъ N.

— Скажите, какой формы здѣсь устраниваютъ гробы?

— Не знаю, не обращаю никогда вниманія, надо у Дуныки спро-

снть (прислуга карелка), та больше знаетъ... Дунька, какіе здѣсь устраи-
ваютъ гробы?

Малыньмъ русскимъ языкомъ Дунька отвѣчаетъ: извѣсны, низу доска,
верхъ крышка, бокъ четыре доска...

— Не устраиваютъ ли чего въ крышкѣ, напр., отверстіе...

— Дунька! Дунька (Дунька въ кухнѣ хлопочетъ по хозяйству)!
кричитъ №, въ крышкѣ у гроба маленькое отверстіе не устраиваютъ?

— Будти нѣтъ!...

— А вставляютъ ли стекло въ отверстіе (находитея противъ глазъ
покойника)?

— Дунька!.. Дунька!.. (Дунька куда то вышла и возвращается)
Дунька!, выходитъ изъ себя №

Что?

Вставляютъ ли въ отверстіе стекло?

Будто не видать!

— А не кладутъ ли что-нибудь покойнику подъ изголовье?

— Дунька!.. Дунька!!!...

Я взглянулъ на улицу. Дунька пробѣжала мимо оконъ и скры-
лась въ сосѣднемъ домѣ...

Извинюсь передъ читателями за оговорку, въ которой я сло-
жилъ всю надающую на меня вину на другихъ...

Изъ Архангельска до Сороки.

На Мурманской пристани было многолюдно и, по обыкновенію,
безпорядочно. Не только пассажиры 3-го класса, но 2-го и 1-го, большей
частью богатые мужики изъ Поморья, такъ называемые поморы, ни-
какъ не могутъ освоиться съ элементарнымъ правиломъ приличія при
покупкѣ билетовъ, и всё буквально другъ передъ другомъ лѣзутъ
къ кассѣ.

Давка, толкотня, споры.

— Господа, не всё сразу, у меня только двѣ руки, пронически
замѣчаетъ кассиръ.

— А коли двѣ руки, такъ пришелъ бы выдать билеты раньше,
а не за 20 минутъ до отхода парохода, говорить въ полголоса изъ публики
какой-то прилично одѣтый мужичекъ, повидимому, мелкій торговецъ.

Кое-какъ, не безъ усилий, наконецъ, у кассы.

Позвольте билетъ 2-го класса до Сороки.

Билеты 2-го класса распроданы.

Идѣть сильнѣмъ напоромъ отступило и ведуниваюсь въ разговоръ
слѣдующаго „очереднаго“ пассажира, полуиринаго въ Поморьѣ кушца.

— Два билетика мнѣ 2-го класса до Сороки, телячьимъ голосомъ
называетъ поморъ кассира и получаетъ 2 билета.

Что это значитъ?

Тотъ самый мужикъ, который только что совѣтовалъ приходить
кассиру раньше, отвѣчаетъ.

— Это значитъ, что на Мурманской пристани кассиръ....

А вы надѣетесь получить билетъ?

— Какъ же! Я записался въ кассѣ за пять часовъ до отхода па-
рохода, меня предупредилъ объ этомъ одинъ знакомый.

— Что мнѣ теперь дѣлать?

— Если имѣете лишнія деньги, покупайте билетъ по 1-му классу,

сли иѣтъ—видите, пока не поздно, къ кассѣ для третьеклассниковъ. На пароходѣ какъ-нибудь устроитесь. Не меньшій безпорядокъ, если не большій, у входа на пароходъ. Пассажиры 3-го класса впускаются на пароходъ только послѣ 1-го свистка. Такъ какъ произжающихъ по 3 классу всегда много больше, чѣмъ имѣется на пароходѣ мѣстъ, то между пассажирами всякій разъ создается особое соревнованіе: всякій старается попасть на пароходъ въ первую очередь и занять мѣсто поудобнѣе. Минутъ за 10—15 до перваго свистка третьеклассники таковой плотной стѣнной обступаютъ трапъ, что пужно героническое усиліе, или помощь двухъ-трехъ матросовъ, чтобы пробраться съ пристани на пароходъ или обратно какому-нибудь пассажиру высшаго класса.

Пароходъ засвистѣлъ...

Сотни третьеклассниковъ разомъ взвалили себя на плечи котомки, корзины, сундуки, ящики и напроломъ полѣзли къ трану.

Шумъ, гамъ, крики, стоны...

Дважды спрашивалъ съ пароходнаго мостика капитанъ:

— Казакъ, вы здѣсь по службѣ?

Казакъ стоялъ бокъ-о-бокъ съ пароходомъ, лицомъ въ противоположную сторону отъ публики и такъ увлекся разговоромъ съ какой-то немолодой, черноглазой, блѣднолицей особой въ однихъ волосахъ, въ затасканной бѣлаго цвѣта кофтѣ, въ косой юбкѣ, въ рваныхъ пантелевыхъ гамашахъ,—которая сидѣла на бочкѣ и кокетливо болтала ногами, что, казалось, все забытъ на свѣтѣ.

Выведенный изъ терпѣнія капитанъ закричалъ.

— Казакъ, вы здѣсь по службѣ или на епиданіи? Казакъ круто повернулся, выстроился и тономъ полицейскаго проговорилъ:

— Такъ точно, капитанъ, по службѣ.

Потрудитесь подворить порядокъ!

Слушаются!

Осторожно отошелъ пароходъ отъ пристани и медленно направился по многоводной Двигѣ къ Бѣлому морю, минуя красивую набережную Архангельска, оживленную Соломбалу, больше десятка великановъ лѣсопилящихъ заводовъ, встрѣчая на пути много пароходовъ разнаго типа и величины, массу карбасовъ, лодокъ, шлюнокъ, которые вдоль и поперекъ съ утра до вечера бороздили мать рѣкъ Архангельской губерніи.

Непривѣтливо встрѣтило насъ Бѣлое море.—Не скрылись берега изъ виду, а какъ уже дала себя чувствовать.

Для раза обошелъ третій классъ въ надеждѣ найти подходящее мѣсто, но безрезультатно. Мѣста вездѣ были переполнены до невозможности. Пужно перо безсмертнаго Гоголя, чтобы нарисовать полную картину того положенія, тѣхъ условій, въ которыхъ ѣдутъ пассажиры 3-го класса на Мурманскихъ пароходахъ. Если можно съ чѣмъ-либо сравнить положеніе и номѣщеніе для третьеклассниковъ на Мурманскихъ пароходахъ, то разлѣ только съ библейскимъ адомъ...

Тѣснота, дымъ, пыль, отвратительный запахъ, ругань, иѣслоп, рева „талынки“ и ребятъ, сквернословіе, пляски, попойки, картежники, вѣры, драки и многое другое—вотъ тѣ условія, въ которыхъ ѣдетъ большинство пассажировъ 3-го класса ни къ чему неучастившихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, но для огражденія спокойствія и удобства которыхъ ровно ничего не дѣлается.

Спускаюсь во 2-й классъ. Въ общей калотѣ крупный споръ.

— Что же это у васъ за порядки, мѣсть 20, а билетонъ проданъ 25, повышеннымъ тономъ говоритъ какой-то алмазный чиновникъ штурману.

— Пишите жалобу, я тутъ ни при чемъ..

Одинъ изъ пассажировъ беретъ собаку. Публика рѣзко возмущается.

Собакамъ мѣсто есть, а намъ нѣтъ....

Собаку выводятъ въ третій классъ. Животное упирается, неидеть, не хочется ему ѣхать съ третьеклассниками въ убійственной атмосфере.... Ночь, гнѣтливо, холодно, класовая кашка...

Въ общей каютѣ 2-го класса размѣстидись вокругъ стола 5 лицъ чужихъ чужихъ...

Куда бы....

На палубѣ между трубою и ящикомъ оказалось немного свободнаго мѣста.

Усаживаюсь. Вспоминаю близкое прошлое...

„Всю зиму я мечталъ о поѣздкѣ на курсы. Наступилъ май. Гляжу въ кошелекъ: тамъ изъ 25 рублеваго жалованья отъ „зимы“ осталось всего пять цѣлковыхъ.... Только на дорогу до своего губернскаго города.“

Неужели опять идти на снѣгахъ, какъ въ позапрошлый годъ, или „гнать“ съ таксаторами визирку, что дѣлають нѣкоторые учителя Карелии? Неужели такова ужъ доля учителя Карелии, чтобы зимой имѣть дѣло съ *длинной*, а лѣтомъ съ *брасиномъ*....

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Поѣду на тотъ косвенный призывъ къ „людямъ провинціи“ насчетъ собираній старинны, о которыхъ прочиталъ въ журналѣ...

Въ Архангельскѣ меня выслушали, поблагодарили за предложеніе, дали средства, документы, а когда я вышелъ, сказали: душа отдыхаетъ, когда видишь такихъ людей“....

Радостно стало отъ воспоминаній. Забылъ, гдѣ живу. Кажется, хорошо, спокойно, уютно.

Рокочетъ, шипитъ, извивается море. Бѣгутъ одна за другой волны, тянутся въ высь, но тщетно...

Дрожатъ пароходы, кланяются, точно чего-то боятся, передъ кѣмъ-то заискиваютъ...

Черезъ сутки съ небольшимъ показалась Сорока. Приходь парохода внести въ сѣренькую будничную жизнь не только селъ, но и уездныхъ городовъ нѣкоторое разнообразіе, является, такъ сказать, событіемъ. Встрѣчать пароходы идутъ все—отъ мала до велика—кому не лѣнь, у кого нѣтъ пестлужной работы.

Мы подъѣзжали къ Сорокѣ въ праздникъ. Праздничный день собралъ на пристань публики не одну сотню. Панамы, шляпы, кашки, фуражки, модныя тройки, шляты, ботинки, трости, прически... все, кромѣ тишично померскаго.

Шляпка къ берегу еще не пристала (Мурманскій пароходъ не доходитъ до Сорки 8 версты), а между пассажирами и публикой съ берега—оживленный разговоръ.

— Эй, Ванька, возьми котомку, кричитъ рабочій „земляку“ на пристани.

— Стой!—отдаетъ приказаніе капитанъ, не доходя двухъ сажень до пристани.

Летить котомка за котомкой со шлюпки на пристань, между тѣмъ камштанъ выходитъ изъ себя отъ досады, что при такомъ стеченіи публики не могъ отличиться и пристать сразу.

— Задній ходъ... Стоить!..

Смѣхъ, остроты, шутки...

Послѣ нѣсколькихъ „Стоить“ и „Задній ходъ“, шлюпка, наконецъ, у пристани.—Привѣтствія, рукопожатія, поцѣлуи, шумные разговоры...

Сорока—большое село, 4 жѣлозильныхъ завода, извѣстный на всю Россію селъдяной промыселъ, значительная торговля. Административный пунктъ Сороцкой волости, „столица“ Сороцкой Карелии—двухклассное министерское училище, фельдшерскій пунктъ... жѣвничій, таможенный, порядочно полиціи... почтово-телеграфнаго контора. Иду на земскую станцію, минуя заводскія строенія, жилища для рабочихъ. Всюду большое оживленіе, много публики, преимущественно рабочихъ, около приѣзжихъ торговцевъ съ мелочью, съ готовымъ платьемъ.

— Сколько стоятъ эти брюки и пальто? спрашиваетъ торговецъ молодой нарень, судя по выговору—кареликъ.

— Съ васъ для перваго знакомства возьму недорого.

— А сколько?

— Посмотрите товаръ, попримѣрьте.

Рабочій примѣряетъ брюки, пальто слегка на матеріаль, шоркаетъ пальцемъ по наплеванному мѣсту и смотритъ—не липнетъ ли,—тычетъ матеріаль въ разныя стороны, стараясь убѣдиться въ прочности и т. д.

— Оно какъ будто широковаты мнѣ будутъ брюки-то.

По тону, которымъ сказаны слова, торговецъ догадывается, что брюки покупателю нравятся, но что дѣло за размѣромъ.

— Ичнего—это матеріаль пенанскій—будете носить, немного *сидитъ*...

Рабочій откладываетъ брюки въ сторону и смотритъ пальто.

— Одѣньте, попримѣрьте, любезничаютъ торговецъ. Рабочій одѣваетъ пальто.

— Оно какъ будто тѣловато въ рукавахъ...

— Не безпокойтесь, будете носить—*растянется* немного—это матеріаль французскій... Какъ оно хорошо сидитъ на васъ, вы теперь выглядите не рабочимъ, а приказникомъ...

Рабочій польщенъ:

— Такъ сколько возьмете за брюки и за пальто вмѣстѣ.

— 4 красненькихъ (40 рублей).

— Такъ дороговато.

— А сколько вашихъ?

Рабочій немного думаетъ, потомъ говоритъ:

— 13 рублей.

— Проваливайъ дальше...

— Знаемъ вашего брата, запрашиваете всегда въ три раза больше.

— Мы тоже знаемъ вашего брата, болтаются зря и безпокойте людей напрасно.

Общее молчаніе.

Первый начинаетъ говорить торговецъ.

— Далайъ настоацно.

— Полтину прибавляю...

Начинается торговля, сходятся на 17 рублѣхъ.

— Себѣ въ убытокъ продалъ, говоритъ торговецъ, получая деньги..

Рабочій не подозрѣваетъ что его, какъ говорится, надули—все нѣва обповкамъ, изъ которыхъ одна якобы сядетъ, другая—растаетъ—10 рублей. Привѣіе торговцы всегда въ барышахъ.—Вѣдныя рабочіе бѣдны еще и въ другомъ отношеніи—нѣяство, картежныя игра, мордобойство—единственныя развлеченія ихъ въ праздники..

Дѣла у владѣльца Сороцкихъ заводовъ Вѣляева, какъ извѣстно, слагаются хорошо. Взять, напр., Сороку—былъ одинъ заводъ, теперь три (4-й заводъ принадлежитъ Стваргу). Слѣдовало бы помнить г. Вѣляеву, что его „машинны—многочисленная армія рабочихъ, на невѣжествѣ и безстыдной эксплуатаціи которыхъ онъ нажилъ себѣ огромное состояніе—пмѣють, кромѣ рукъ—*оружу* и—слѣдовало бы выстроить на заводѣ рабочій домъ, чистый, просторный, съ библиотеккой, съ кинематографомъ, съ театральными подмостками..

Да, слѣдовало бы..

Продолжаю путь. Публика встрѣчается на каждомъ шагѣ. У многихъ въ рукахъ водка.

У одного мужичка въ 4 карманахъ по бутылкѣ да въ рукахъ по четвертой. Одолѣваетъ любопытство—спрашиваю:

— Откуда и куда несутъ такъ много вина.

— Изъ казенки домой, по-суворовски отвѣчаетъ мужикъ и быстро скрывается въ ближайшемъ переулкѣ.

Теряюсь въ догадкахъ—почему сороцкая казенка составляетъ исключеніе и торгуется въ праздники. Сомнѣніе разъясняется понаивнѣйш павстрѣчу съ сильно оттопыренными карманами полицейскіи чинъ (тоже заправиль). Оказалось, что сороцкая казенка по приговору крестьянъ закрывалась, и отмѣченный день былъ днемъ распродажи..

Многое можно сказать, разумеется, не на злобу дня, о настоящемъ Сороки, ея славномъ будущемъ, за что говорить ей блестящее географическое положеніе (при многоводной рѣкѣ Выгъ, у моря), которому завидуетъ не одинъ городъ Россіи..

Я отмѣчу лишь то значеніе, которое представляетъ с. Сорока для Карелии.

Сотни карель работаютъ здѣсь изъ года въ годъ то на покосѣ, то на сельдяномъ промыслѣ, то на заводѣ, или ходятъ отъ мѣстныхъ судовладѣльцевъ и рыбопромышленниковъ на Мурманъ и такимъ путемъ добываютъ себѣ и своей семьѣ пропитаніе.

Сотни карель покупаютъ здѣсь ежегодно по высокой цѣнѣ у своихъ кредиторомъ—поморомъ—муку.

Сотни карель ежегодно продаютъ здѣсь, скрѣпя сердце, последнюю рыбу, икру, масло и со слезами расстаются со скотиной, т. к. заработанныхъ денегъ у поморомъ, вслѣдствіе ничтожной оплаты труда, не хватаетъ на пропитаніе.

Сотни карель безжалостно эксплуатируются заводчиками, поморами..

Сотни карель пропиваютъ здѣсь съ горя остатніе гроши.

Содержитъ станцію б. учитель. Разговорились.—20 лѣтъ учительствовалъ, а вотъ на старости лѣтъ пришлось замѣнить любимому дѣлу. Если бы не семья, не оставилъ бы учительства.

Хотѣлось всёхъ внучить, а на учительское жалованіе это немисливо.

— Позвните за нескромность—сколько вы теперь получаете?

Слышу довольно приличную цифру.

Положеніе бывшаго учителя въ роли содержателя станціи явленіе, конечно, печальное, нежелательное, но на пашемъ Сѣверѣ встрѣчаются еще не такіе примѣры.

„Нужда скачетъ, пужда пляшетъ, пужда пѣсепки поетъ“...

Пара дорожныхъ лошадей была готова, намѣреваюсь отдать прогонь, но встрѣчаю предупрежденіе.

— Не беспокойтесь, дорога дальняя, деньги пригодятся...

Ну-ка!—крикнувъ ямщикъ на лошадей, встряхнувъ возжами. Тарантасъ съ шумомъ и громомъ покатился, мѣстами присекаяивая, приѣхалъ.

Дорога, по которой мы ѣдемъ, носить громкое имя—Сороцко-Тунгудскій трактъ. Трактъ этотъ—первая дверь въ Карелію, если ѣхать по поморскому побережью изъ Сумы въ Кемь. Біографія тракта не лишена интереса.

Не болѣе, какъ 6 лѣтъ назадъ по мѣсту Сор.-Тунг. тракта пролегла дикая, кочковатая, болотистая трона.

Много карельскихъ слезъ и поту вытала эта трона на протяженіи лѣтѣвъ.

Послушаемъ моего ямщика, 60 лѣтняго старика карела.

„Тяжелые раніе были годы, неурожайные не одинъ разъ, бывало, сходишь въ лѣто въ Сороку за мукой—хлѣбныхъ магазиновъ тогда не было. Идешь изъ Сороки и приговариваешь: „Помоги, Господи, добраться до дому. А домъ въ 70 верстахъ, дорога такая, что пѣшкомъ идти трудно. Отдыхали на каждой полуверстѣ. Посидимъ минутъ пять—больше нельзя—дома безъ хлѣба сидятъ, перекрестимся и опять впередъ. Кровь шла изъ плечъ, такъ было тяжело“, закончилъ дѣдъ.

6 лѣтъ назадъ на средства лѣсного вѣдомства С.-Тунгудскую стали приспособлять для конной ѣзды. Сначала предполагалось дать населенію дорогу въ сажень шириною, что и было исполнено на протяженіи 70 верстъ отъ Сороки до дер. Машезеро. До Тунгуды оставалось всего 10 верстъ, но работа была приостановлена и начата снова отъ Сороки въ болѣе широкомъ масштабѣ: одноколесную дорогу стали переделывать въ двухколесную. Въ настоящее время 6 трона представляеть изъ себя ни то, ни се—дорогой ее назвать нельзя, трактомъ можно назвать только въ шутку. Работы по устройству двухсаженной дороги закончены только до Выгострова (8 в.) и то неудовлетворительно: мѣстами на болотномъ настигъ столько песку, что колеса вязнуть на четверть, мѣстами песку совсемъ нѣтъ, особенно на первой верстѣ отъ Сороки. Между Выгъ-островомъ и Шуезеромъ работы продолжаются (38 верстъ). Отъ Шуезера до Машезера готова одна послѣдняя верста (22 в.). Изъ Машезера до Тунгуды прорублена лишь просѣлка (10 в.).

Выгостровъ—около сотни русскихъ дворовъ, министерское училище, церковь, но безъ причта.

Названіе свое деревня получила отъ рѣки Выгъ, которая въ этомъ мѣстѣ раздѣляется на два перовіи русла—одно широкое течеть по направленію къ Сорокѣ, другое—къ деревнѣ Шижнѣ.

Сдѣлать попытку „поинтервьюировать“ одного старичка въ Выгостровѣ на счетъ житья-бытья приморскаго, но получилъ предупрежденіе—у насъ ничего особеннаго—живемъ да хлѣбъ жуемъ, рыбой

закусываемъ, кормимся отъ моря... Поѣдете въ Карелу, тамъ всего посмотритесь да наслышитесь.

Поѣхалъ. Путь неудобный 3 версты по р. Выгъ, 27 верстъ переходомъ на лошади, остальные 8 верстъ водою, частью лоджиной, немного по канавѣ, но больше по озеру Шуезеро. Въ 8 верстахъ отъ Выг-острова при р. Выгъ первый карельскій выселокъ въ 1 домъ—Сосновецъ. До устройства дороги сообщеніе между Сосновцемъ и Сорокой поддерживалось воднымъ путемъ.

Немного выше Сосновца большой порогъ—Маткожи. Здѣсь каждое лѣто устраивается заповъ для бревенъ, много живетъ рабочихъ.

Изъ Сороки въ Маткожи проведенъ телефонъ.

Дорога около Сосновца круто свернула вправо. Скрылся изъ виду широкій Выгъ, затерялись телефонныя столбы...

Россія осталась позади, началась Карелія. Въ силу этнографическаго и экономическаго положенія Архангельскую Карелію можно подраздѣлить на Финскую и Вѣломорскую. Къ Финской Кареліи тяготеютъ волости: Юшкозерская, Кондокская, Вокнаволоцкая, Ухтинская, Тихтозерская, къ Вѣломорской Кареліи остальные 8 волостей. Вѣломорскую Карелію въ свою очередь можно подраздѣлить на Каретскую съ волостями: Олангской, Кестангской, Вычестайбальской,—Кемскую съ волостями: Подужемской, Маслозерской и Ногосской и на Сороцкую съ волостями: Лътиконенцкой и Тунгудской.

М. И. Бубновскій.

(Продолженіе будетъ).

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Засѣданіе Правленія 6 июля. Произведены выборы товарища председателя. Избранъ единогласно С. Ф. Гренковъ.

Рѣшено предложить Обществу Собранію избрать въ пожизненные члены Общества Б. А. Вилькицкаго и въ дѣйствительныя—Н. А. Новонащеннаго.

Заслушано предложеніе пожизненнаго члена Арх. Общества Н. Р. С. Н. В. Морозова о желательности перечисленія капитала имени Пахтусова изъ спеціальныхъ средствъ Архангельскаго Отдѣленія Императорскаго Общества Судоходства въ фондъ Арх. Общества изученія Русскаго Сѣвера. Осуществленіе этой мысли единогласно было признано желательнымъ и рѣшено войти въ переговоры съ отдѣленіемъ по этому поводу.

Ознакомившись съ письмомъ дѣйствительнаго члена Общества проф. А. Х. Ринкя о Мурманской ж. д., рѣшено собрать матеріалы по этому проекту и, прежде всего, обратиться въ Императорское Русское Техническое Общество съ просьбой прислать докладъ г. Раевского о соединеніи финляндскихъ ж. д. съ Печенгской губой на Мурманъ.

Затѣмъ было выслушано предложеніе собирателя старины Кулакова устроить въ Архангельскѣ выставку имѣющихся у него старинныхъ предметовъ и рѣшено оказать г. Кулакову содѣйствіе въ устройствѣ выставки въ смыслѣ предоставленія для нея помѣщенія и озабо-

таться льготной доставкой вещей и пр., но отъ фиксирования опредѣленнаго дохода съ выставки отказаться.

Приходо-расходную книгу (съ оправдательными документами) Поморскаго отдѣла постановлено передать ревизионной комиссiи во исполненiе постановленiя Правленiя отъ 14/III—14 г.

Въ заключенiе была выслушана просьба Поморскаго Отдѣла о созывѣ 2-го Рыбпромышленнаго Сѣзда Поморско-Мурманскаго района съ 20 по 31 января 1915 года. Просьбу рѣшено удовлетворить и возбудить соответствующее ходатайство передъ г. Архангельскимъ Губернаторомъ о разрѣшенiи созыва сѣзда по выработанной программѣ *).

Землеустройство и сельское хозяйство.

Эксплоатация торфа. Въ связи съ дороговизной дровяного, нефтяного и каменноугольнаго топлива приобрѣтъ особое значенiе вопросъ объ обезпеченiи пашней промышленности и торговли, а въ частности и желѣзныхъ дорогъ, особенно сѣверныхъ, дѣшевыми, и притомъ добываемыми въ предѣлахъ страны, топливомъ. Такимъ топливомъ можетъ явиться торфъ, запасъ котораго въ Россiи почти неисчислимы. По границѣ мѣръ по самымъ приблизительнымъ подсчетамъ и притомъ очень скромнымъ подсчетамъ, изъ имѣющихся въ Россiи торфяныхъ болотъ можетъ быть выработано болѣе 20 миллиардовъ куб. саж. сухого торфа, вѣсомъ около 5.000 миллиардовъ пудовъ (въ настоящее время вырабатывается ежегодно лишь около 150 мил. пудовъ торф. топлива).

Введенiе торфяного топлива въ обиходъ сельскаго населенiя дастъ возможность эберечь быстро уничтожающееся теперь лѣса. Переходъ на торфяное топливо вполне возможенъ: населенiе безлѣсныхъ мѣстностей Тамбовской, Рязанской и др. губерній, а также нѣкоторыя фабрики, какъ Морозовыхъ и др., употребляютъ въ качествѣ топлива некачественно торфъ.

Учтя это обстоятельство, Гл. Управленiе Землеустр. и Земледѣлiя вошло въ сношенiе съ министерствомъ путей сообщенiя по вопросу о желательности организацiи широко поставленныхъ опытовъ, которые выяснили бы и наиболѣе экономичные и удобные съ технической стороны способы прижизненiя торфа въ качествѣ топлива на желѣзныхъ дорогахъ.

Отдѣлъ земельныхъ улучшенiй Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣлiя принимаетъ рядъ мѣръ направляемыхъ къ развитiю торфянаго дѣла въ Россiи съ цѣлью обратить втуне лежачiя до сихъ поръ торфяныя залежи въ наше національное богатство. Въ числѣ другихъ мѣръ, направленныхъ къ развитiю торфодобычанiя, отдѣлъ земельныхъ улучшенiй учредилъ въ настоящемъ году шестимѣсячные курсы по добычанiю и использованию торфа.

Открытие музея по торфобовдѣнiю. 23 апрѣля состоялось открытiе фрiейстерской части отдѣла земельныхъ улучшенiй Главнаго Упра-

* На возбужденное ходатайство Правленiя Арх. Общества изученiя Русскаго Сѣвера 2-й Рыбпромышленный Сѣздъ Поморско-Мурманскаго района разрѣшено созвать съ 20 по 31 января 1915 г. въ Сумскомъ посадѣ (Отношенiе Архангельскаго Губернатора отъ 12 июня за № 578).

вленія Земл. и Земледѣлія. Основаніе торфмейстерской части вызвано необходимостью созданія спеціальнаго учрежденія съ лабораторіями и музеемъ для производства изслѣдованій по использованию торфа и его продуктовъ. Одна изъ главныхъ задачъ отдѣла земельныхъ улучшеній заключается въ распространеніи знаній, какъ использовать обширныя торфяныя залежи, имѣющіяся въ Россіи. Борьба съ заболачиваніемъ почвы имѣеть существенное значеніе, ибо работы по осушенію болотъ идутъ медленно, и осушаемая ежегодно площадь болотъ менѣе вновь заболачиваемыхъ земель. При отдѣлѣ открываются первыя въ Россіи курсы по торфовѣдѣнію. Занятія на курсахъ будутъ проходить съ 1 мая по 1 ноября.

Переселеніе и колонизація.

Агрономическая помощь сибирскимъ поселенцамъ. Департаментомъ земледѣлія закончена сводка постановленій послѣдняго совѣщанія инспекторовъ сельскаго хозяйства и правительственныхъ агрономовъ по вопросу объ агрономической помощи въ районахъ заселяемыхъ мѣстностей Сибири. Совѣщаніе признало необходимымъ: ввести въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ участковую агрономію по типу земской; сократить размѣры районовъ, обслуживаемыхъ агрономическимъ персоналомъ, путемъ постепеннаго увеличенія послѣдняго и приближенія къ населенію агрономической помощи; включить въ составъ агрономической организаціи, наряду съ персоналомъ общаго назначенія, также и специалистовъ по различнымъ отраслямъ, въ соотвѣтствіи съ требованіями и условіями мѣстнаго хозяйства; содѣйствовать возможно широкому распространенію среди населенія свѣдѣній по коопераціи; оказывать помощь сельско-хозяйственнымъ обществамъ и другимъ кооперативнымъ организаціямъ, приурочивая къ нимъ агрономическія мѣропріятія и субсидируя ихъ въ цѣляхъ развитія ихъ дѣятельности. Далѣе, принимая во вниманіе, что во вновь заселяемыхъ мѣстностяхъ учрежденіе сельско-хозяйственныхъ обществъ и другихъ единеній хозяйствъ представляетъ большія трудности, признало желательнымъ отдавать предпочтеніе методу индивидуальнаго воздѣйствія на населеніе путемъ организаціи агрономическихъ мѣропріятій, по преимуществу, въ обстановкѣ и условіяхъ крестьянскаго хозяйства. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ и областяхъ необходимо учредить должности особыхъ практикантовъ (изъ окончившихъ курсы спеціальныхъ учебныхъ заведеній) для подготовки къ будущей дѣятельности въ этихъ районахъ. Къ участию въ обсужденіи пущихъ мѣстнаго сельскаго хозяйства желательно, по возможности, широкое привлеченіе мѣстнаго населенія путемъ устройства уѣздныхъ или районныхъ совѣщаній. Необходимо скорѣйшее осуществленіе свѣти среднихъ и высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, а также увеличеніе ассигнованій на мѣропріятія по вышкормочному образованію. Устройство показательныхъ полей и участковъ должно быть приурочено къ мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ и другимъ общественнымъ организаціямъ, при техническомъ содѣйствіи агрономическаго персонала, съ передачей такимъ учрежденіямъ, въ видѣ пособій, всѣхъ ассигнуемыхъ на это дѣло кредитовъ; желательно также скорѣйшее осуществленіе свѣти опытныхъ учреждений. Въ области жи-

Вотноводства необходимо стремиться къ улучшенію мѣстнаго скота, устраивать соответствующія начинанія при общественно-кооперативныхъ организаціяхъ, крестьянскихъ и частновладельческихъ хозяйствахъ, усилить повсемѣстно ветеринарную помощь, устроить въ скотоводческихъ районахъ бактериологическія лабораторіи, ввести страхование скота и т. д. Наконецъ, въ отношеніи оказанія агрономической помощи кочевникамъ, признано необходимымъ приравнять ихъ къ остальному населенію.

Лѣсное дѣло и охота.

Докладъ А. С. Новосельскаго. 17-го мая въ засѣданіи лѣснаго общества состоялся докладъ А. С. Новосельскаго о постановкѣ въ Россіи дѣла вышкольскаго образованія по лѣсному хозяйству. Докладчикомъ было указано, что для распространенія среди народныхъ массъ сознанія о значеніи лѣснаго хозяйства для страны необходима широкая организація популярныхъ чтеній, лекцій, выпускъ отдѣльныхъ брошюръ и подготовка соответствующаго числа лекторовъ. Это дѣло вести необходимо параллельно съ общедоступными курсами по вопросамъ сельскаго хозяйства, организованными земствами и сельско-хозяйственными обществами. Землеустроительная реформа, развивающаяся кустарная промышленность и возникновеніе новыхъ заводовъ по деревообрабатывающей промышленности, а также крупный спросъ со стороны иностранныхъ рынковъ — рѣзко выдвигаютъ вопросъ о продуктивномъ использовании лѣсныхъ богатствъ Россіи. Ежедневно въ лѣсной департаментъ, вѣдающей, между прочимъ, отпускомъ лѣсныхъ сѣмянъ и посадочнаго матеріала изъ казенныхъ питомниковъ, поступаютъ отъ различныхъ сельскихъ обществъ, крестьянъ и частныхъ владельцев прошенія о предоставленіи имъ сѣмянъ и указанія методовъ лѣсоразведенія. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ объ усилившемся интересѣ среди народа къ лѣсному дѣлу. Изъ отдѣльныхъ вопросовъ, требующихъ популяризаціи, выдѣляется борьба съ лѣсными пожарами, на которые население смотритъ довольно просто: такъ, напримеръ, колонизаторъ лѣсной тайги расчищаетъ ее подлѣ сельско-хозяйственную культуру часто посредствомъ огня, не заботясь о томъ, какое приметъ направленіе и какое пространство захватитъ пожаръ. Максимальное число пожаровъ было въ 1901 г., когда охваченная огнемъ площадь исчислялась по всѣмъ казеннымъ лѣсамъ болѣе 1 миллиарда десятинъ. Собраніе, считая вопросъ о вышкольномъ образованіи и популяризаціи лѣснаго хозяйства назрѣвшимъ, намѣтило комиссію, которая должна будетъ къ осеннему засѣданію подготовить соответствующіе матеріалы и выработать программу отдѣльныхъ серій лекцій и курсовъ.

Охрانی соболя. Закономъ 9 июня 1912 года были установлены полныи и повсемѣстный для Россіи трехлѣтній (съ 1 февраля 1913 года по 15 октября 1916 г.) запретъ какъ промысла соболя, такъ и торговли соболями и курками, добытыми въ Россіи послѣ 1 февраля 1913 г., а также ежегодный запретный для охоты на соболя срокъ — съ 1 февраля по 15 октября. — Однако, такого рода мѣры едва ли могутъ предотвратить полное, въ концѣ-концовъ, истребленіе этого цѣннаго звѣря: съ постепеннымъ увеличеніемъ населенія Сибири и съ естествен-

шимъ при этомъ уничтоженіемъ лѣсовъ неопуустимо должно наступить время, когда въ Сибири не останется уже болѣе ни одной мѣстности, гдѣ соболь могъ бы водиться въ нормальныхъ условіяхъ существованія.

Въ виду этого и явилась настоятельная необходимость въ устройствѣ собольныхъ заповѣдниковъ, которые служили бы мѣстомъ безрешительнаго размноженія соболей и центромъ разселенія ихъ въ прилегающіе охотничьи районы. Въ этихъ цѣляхъ вѣдомство земледѣлія рѣшило произвести всестороннее обслѣдваніе собольнаго промысла въ Пампиріи для выясненія мѣстъ обитанія соболей, размѣровъ и способовъ добыванія ихъ и опредѣленія мѣстъ для устройства собольныхъ заповѣдниковъ.

Прежде всего была произведена анкета, давшая обширный матеріалъ для сужденія въ главныхъ чертахъ о современномъ состояніи собольнаго промысла.

Въ настоящее же время вѣдомство, основываясь на добытыхъ такимъ путемъ данныхъ, признало необходимымъ подвергнуть обслѣдованію, въ первую очередь, средне-и восточно-сибирскіе районы этого промысла, дающіе наиболѣе цѣнные сорта соболя, а именно—районы прибайкальскій (баргузинскій, верхнеангарскій и киренскій участки), якутскій (вигимскій и прилонскій участки), оленейскій, саянскій (минусинско-кузнецкій) и т. д. Исслѣдованіе каждаго отдѣльнаго района поручается особой партіи и будетъ вестись въ двухъ направленіяхъ: біологическомъ (естественно-историческія условія обитанія соболя) и статистико-экономическомъ.

Пока уже намѣчены мѣста для устройства двухъ заповѣдниковъ: одного въ Баргузинскомъ лѣсничествѣ, Забайкальской области, гдѣ предложено выдѣлить подъ заповѣдникъ 200,000 дес. и рядомъ съ нимъ эксплуатационный охотничій участокъ въ 150,000 дес., едама котораго въ аренду дала бы средства на покрытие расходовъ по содержанию и охранѣ заповѣдника; другого—въ той же области, на полуостровѣ „Святой Носъ“ на (80,000 дес.).

На одну изъ партій, уже командированную въ баргузинскій районъ, возложена задача провѣрить пригодность намѣченныхъ участковъ для устройства въ нихъ заповѣдниковъ. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ отправка и другихъ партій.